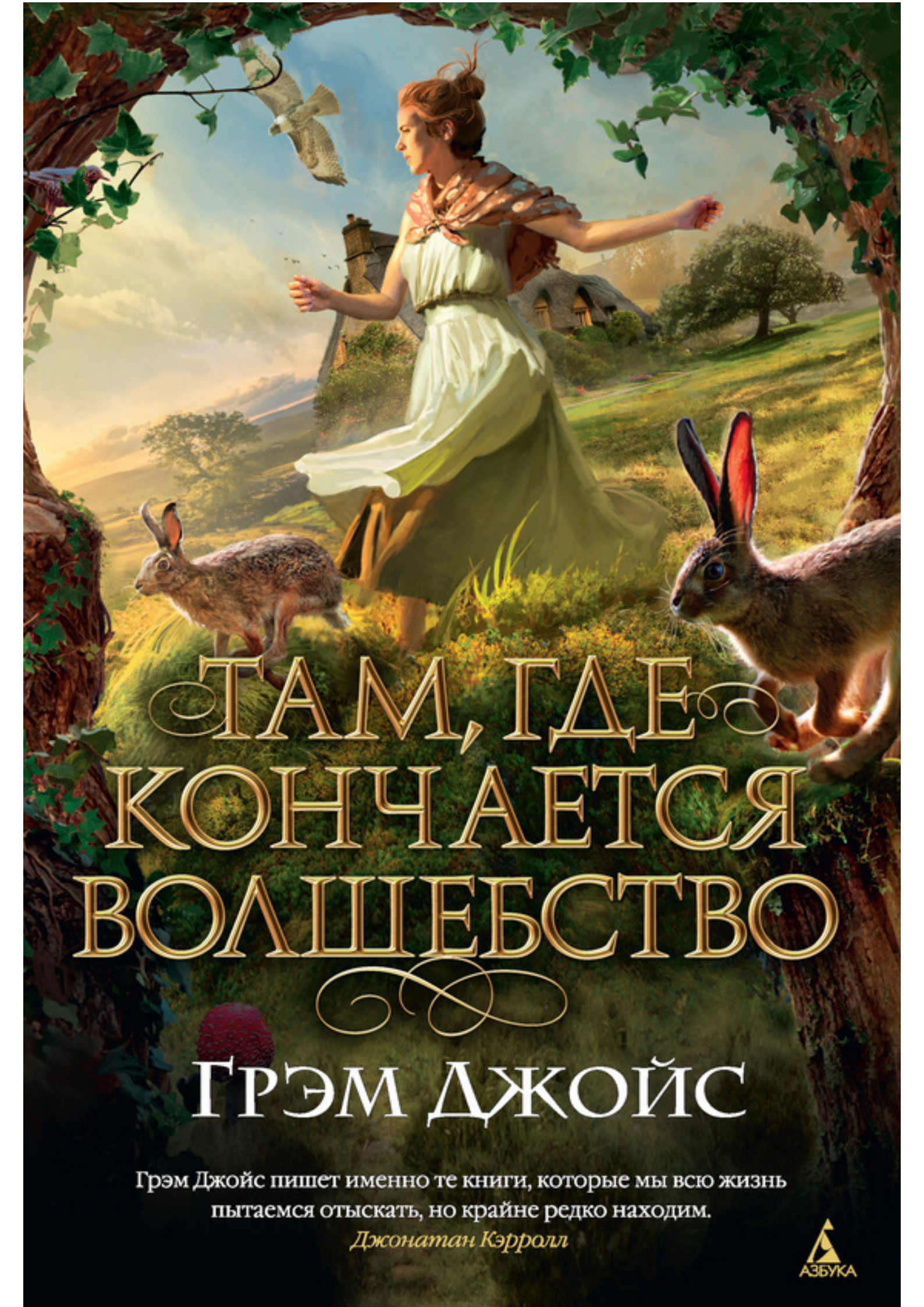

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВОЛШЕБСТВО

ГРЭМ ДЖОЙС

Грэм Джойс пишет именно те книги, которые мы всю жизнь
пытаемся отыскать, но крайне редко находим.

Джонатан Кэрролл

The Big Book

Грэм Джойс

Там, где кончается волшебство

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джойс Г.

Там, где кончается волшебство / Г. Джойс — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-11378-7

Впервые на русском – эталонный роман мастера британского магического реализма, автора, который, по словам именитого Джонатана Кэрролла, пишет именно те книги, которые мы всю жизнь надеемся отыскать, но крайне редко находим. Девушка со странным именем Осока живет в графстве Лестершир. Всему, что она знает, ее научила Мамочка Каллен – то ли просто мудрая женщина, всегда готовая помочь, то ли настоящая ведьма. В ночном небе можно разглядеть спутники, американцы через несколько лет обещают высадиться на Луну, соседнюю ферму оккупировала странная волосатая компания, но у Осоки свои заботы: как спастись от выселения, спечь свадебный пирог с правильным количеством любви и разобраться с настырным байкером-вегетарианцем – теперь, когда Мамочка попала в больницу и унесла свои секреты с собой?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11378-7

© Джойс Г., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

От автора	6
Пролог	8
1	9
2	15
3	20
4	24
5	27
6	30
7	36
8	40
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Грэм Джойс

Там, где кончается волшебство

Graham Joyce

THE LIMITS OF ENCHANTMENT

Copyright © 2005 by Graham Joyce

First published by Gollancz, London

All rights reserved

© Е. Лидовская, перевод, 2016

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Моей дочери Элле и сыну Джо

От автора

Однажды майским утром моей жене Сью не спалось. С трудом дождавшись рассвета, она вскочила и пошла кататься на лошади. Вернулась она с прогулки в отличном настроении и принялась рассказывать, какое чудо ей довелось увидеть. В лучах восходящего солнца скакала Сьюзен по полю – и вдруг прямо перед ней как из-под земли возникла стайка зайцев. Четыре или пять. Они, на удивление, не сиганули врассыпную от лошади. Напротив, зайцы словно включились в скачку и некоторое время буквально гарцевали рядом, пока не растворились в утреннем тумане. Сью еще долго вспоминала эту волшебную историю.

В другой раз, катаясь верхом, она сломала руку. Потребовалась сложная операция. Восстановление проходило долго и непросто. В преддверии Рождества мне на глаза попалась бронзовая статуэтка скачущего зайца, выполненная художницей Люси Кинселла. Фигурка была мне явно не по карману, но, замороженный историей про скачущих зайцев, я все-таки поддался импульсу и приобрел статуэтку для Сью. С тех пор заяц стал в нашей семье чем-то вроде тотемного животного, заняв почетное место на каминной полке в гостиной. Ну а у Сью дела пошли на лад.

Я, помнится, уже рассказывал на своем сайте, как однажды (опять-таки прекрасным майским утром) мы со Сьюзен прогуливались по живописному английскому пленэру и безуспешно пытались разобраться, можно ли избежать рождения детей по умолчанию. То бишь, пустив события на самотек, ждать от себя осознанного решения и дожидаться, что оно будет принято за тебя и будет отрицательным. «Остановись уже на чем-нибудь», – строго сказала Сьюзен – ну, как-то примерно так. Я искренне напрягся, пытаюсь понять, чего мне хочется. Но, сколько ни старался, ничего не выходило. Вдруг у меня между ног, в траве, вырос огромный заяц. Вынырнул, словно из-под земли, ну, натурально, между ног. Наставник Фрейи, символ плодovitости, мой добрый старый приятель заяц... И да, вы будете правы, упрекнув меня в глупом, иррациональном поведении, но кто я такой, чтобы не внять столь ясному посланию Природы? Причем звучащему с такой нечеловеческой силой, что тут и прагматичный циник призадумался бы. В общем, через год у нас родилась дочь Элла, а через два – сын Джозеф. Есть знаки, мимо которых проходить нельзя, и я безумно благодарен зайцу за то, что он наставил меня на путь истинный.

Прошло какое-то время, и мы наткнулись на потрясающую картину Анжелы Хардинг, в которой тоже присутствовал заяц, но только в намного более абстрактном варианте. Картина изображала маленькую девочку, как будто болтающую с гигантским зайцем. Отчасти именно это загадочное полотно вдохновило меня на написание романа «Там, где кончается волшебство». Другим источником вдохновения стал ежегодный пасхальный праздник, который издревле проводится в одном из графств Центральной Англии – Лестершире. «Урви заячий пирог и пни бутылку» – вот полное название сего седого ритуала с серьезнейшим языческим подтекстом. Каждую Пасху жители округа пекут крупнейший пирог. В прежние времена его начинали зайчиной, теперь кладут только свинину и говядину. Пока пирог победоносно проплывает по деревне в сопровождении музыкантов и ряженных, селяне собираются на ступеньках церкви, готовясь «получить» его. «Получить» пирог – звучит довольно мирно; впрочем, так оно и начинается, пока ситуация не выходит из-под контроля и рвущиеся вперед не начинают «получать» пирогом по голове и прочим частям тела. Считается, что поймать кусок и съесть его – к удаче.

Да уж, чего только не творится в укромных уголках Центральной Англии!

Когда пирог весь съеден, крепкие парни из деревень Халлатон и Медбурн переходят к следующей стадии веселья, а именно к мордобойу без правил, в ходе которого гоняют «бутылку» (в действительности маленький пивной бочонок) промеж оврагов, речушек и колю-

чих изгородей, от ворот до ворот, отстоящих почти на милю. Травмы в таком горячем соревновании не редкость. Никто не знает, сколько этой традиции лет, известно только, что в восемнадцатом веке христианское духовенство пыталось упразднить пугающий языческий обычай, на что ответом стала красноречивая надпись на церковной стене: «Нет пирога – нет пастора». Бедняга пастор все быстро понял, и ритуал «Урви заячий пирог и пни бутылку» возобновился.

Неудивительно, что зайца почитают. Ведь заяц – древний символ плодovitости. Один из редких видов, способных к зачатию во время беременности. Тотемное животное богини Остары. Известно, что зайцу поклонялись в Древнем Риме. Поэтому пасхальный праздник в Халлатоне не что иное, как отголосок бывшего языческого ритуала, равно как пасхальные яйца с пасхальным зайцем – лишь тени большого заячьего культа древности.

Вот некоторые из событий, сподвигших меня к написанию романа «Там, где кончается волшебство». Я всегда чувствовал, что под пластами железобетона, устлавшими промышленные земли Центральной Англии, скрывается ее сырое темное нутро. Центральные районы сказочно богаты фольклором, обильно политы кровью, овеяны преданиями. Тут Робин Гуд и леди Годива, тут праздники, подобные халлатоновскому, и древний обычай украшения колодцев в Дербишире – и все это на пяточке в каких-то пятьдесят миль. Да здесь любой камень пни, и сразу из-под него попрут легенды. Поэтому героя, чьей жизни двадцатый век почти не коснулся, героя, продолжающего соблюдать каноны прошлого, хотя вокруг летают спутники, мне захотелось поселить именно здесь.

Сначала я думал, что действие будет происходить в 1920-е годы, но быстро понял, что не нужно забираться настолько далеко: достаточно вернуться в 1960-е – и найдешь людей, ведущих жизнь, никак не изменившуюся с середины девятнадцатого века. Между американцами и русскими идет космическая гонка, а в Англии у многих удобства на дворе. Мамочка и ее приемная дочь Осока – именно из этой серии.

Мамочка и Осока – акушерки. Мало того что они работают без лицензии, они еще делают подпольные аборты. Аборты в Великобритании легализовали только в 1966 году. До этого в пикантной ситуации женщины обращались к таким, как Мамочка. Если же рядом не оказывалось Мамочки, они прибегали к помощи безответственных эскулапов-жуликов. А что до Мамочки и ей подобных, то им за доброту и помощь платили отчуждением и страхом.

О травах Мамочке известно все. Она, конечно, ведьма, хотя в романе я это слово не употребляю ввиду его двусмысленности. Она, конечно, выступает на стороне добра. Она другая, одна из «избранных», поэтому ее умения и знания пугают сильных мира сего. Простые люди ее уважают, но тоже побаиваются. Осока наследует все перечисленные качества, но вместе с тем она уже одной ногой в современном мире. И все же... старые порядки в ней сильны. Ее тотемное животное – заяц. Оказывается, она такой же аутсайдер, как Мамочка, и у нее тоже имеются враги. Осока ведет войну за право быть собой.

Мои друзья вольны со мной не согласиться, но я считаю этот роман одним из лучших своих произведений. И хотя действие «Там, где кончается волшебство» разворачивается в 1960-х годах, надеюсь, что эта книга сможет многое поведать читателю о жизни в веке двадцать первом.

Грэм Джойс
Июнь 2013

Пролог

Если бы можно было рассказать все за один присест, есть маленькая надежда, что вы поверили бы всему – даже тому, что кажется чудным. Даже тому, что я увидела за живой изгородью. Если бы можно было размотать историю, как нитку, или же срезать, словно яблочную кожуру, как делала Мамочка, – перочинным ножом в одну предлинную загогулину, а на ноже поблескивает капелька. Тогда бы вы точно клюнули.

Но Мамочка говорила, что люди разучились Слушать. Что мы живем в такое время, когда все только болтают, не думая о последствиях. И что для жизни это время нехорошее.

Поэтому, пока я буду рассказывать, история, как яблочная кожура, начнет провисать при каждом повороте ножа. Довольно скоро вы разберетесь, с кем имеете дело, и тут-то у вас возникнут основания усомниться как в рассказе, так и в рассказчике. Возможно, вы даже заподозрите последнего в безумии и будете его презирать. И главное, вы перестанете верить.

Не отрицаю, я ведь и правда разок сошла с ума. Но ненадолго. Однако тем, кто разучился Слушать, такого непродолжительного безумия хватило, чтобы меня предать, чтобы от меня отвернуться, чтобы на меня ополчиться. Да и какое дело миру до обыкновенной девушки? Особенно до девушки с дурным характером.

Со мной пытались сделать то же самое, что сделали когда-то с Мамочкой. Спустили на меня собак. Но прежде чем рассказать, как все происходило, прошу вас об одном: когда вы усомнитесь, когда непонимание застит глаза, когда от отвращения во рту появится неприятный привкус, представьте, каково было нам, избранным, в течение долгих лет держать язык за зубами. Хранить в себе правду. Сгорать и не произносить ни слова. И вот когда вы почувствуете, что я от вас уже неизмеримо далеко, тогда прислушайтесь. Не к мыслям – они уведут вас неведомо куда, не к сердцу – оно соврет, а к голосу, звучащему за голосом. Верьте рассказу, а не рассказчику.

1

Мамочка припала ухом к розовому пузу Гвен, и все, кто находился в комнате, притихли. Все – это, понятное дело, Гвен, готовая в любую секунду треснуть, подобно спелому арбузу; Мамочка; затем Гвенова подруга Клэрри, сложившая на груди руки и попыхивающая своей вечной сигаркой, которая грозила каждую секунду осыпаться на кровать пеплом; и я. И все мы слушали.

– Мамочка, если ты все ж таки скажешь, ведь как будет хорошо, – молила Гвен, но Мамочка только цыкнула на нее и еще плотнее прижалась ухом к точке, которую показывала мне раньше, – чуточку северо-западнее пупка Гвен.

Потом она распрямилась и отвернулась.

– Не знаю.

– Да брось ты, – запротестовала беременная, поглаживая натруженными руками надутый барабан. – Ты мне в глаза посмотрела. Уж мне ли не знать этот взгляд?

– Знает как пить дать, – просипела Клэрри, не вынимая изо рта сигарки, и кашлянула, лишь чудом не просыпав пепел на кровать.

Мамочка знала, но рассказывать не собиралась.

– А мы посмотрим, что уготовила нам матушка-природа, и возрадуемся, – говаривала она.

Но Гвен на это не купилась.

– Мамочка, если я буду знать, то сразу же расслаблюсь, и ребеночек полезет. Ведь мне не важно, кто родится: любить я его от этого меньше не стану.

У Гвен было четверо розовощеких горлопанов, и она отчаянно хотела девочку, чтобы хоть как-то восстановить баланс в семействе. Мамочка всегда заранее слушала и почти всегда оказывалась права, но ведь и на старуху бывает проруха, поэтому она предпочитала раньше времени не оглашать.

Клэрри соблаговолила вынуть из рта сигарку. Опытю сплющила горящий кончик мозолистыми пальцами работницы консервного завода и кинула бычок в карман передника.

– Пусть девочка послушает, – сказала она.

В такие нервные моменты моя рука всегда тянулась к заколкам в волосах. Гвен, точно рыба, одними губами показала: «Давай». Мамочка нахмурилась и жестом велела мне приблизиться. Приникнув ухом к нужной точке на громадном пузе, я вслушалась. Потом встала и, видя, что обе женщины глаз с меня не спускают, дотронулась до мочки левого уха.

– Она считает, что это девочка, и я согласна, – провозгласила Мамочка.

Гвен разрыдалась.

– Она же не произнесла ни слова! – возмутилась Клэрри.

Но Мамочке было не до Клэрри. Она взялась за Гвен:

– Здрассте-приехали, сразу в слезы! И что мы будем делать, если я ошиблась?

– Мамочка, ты никогда не ошибаешься, так все говорят! Спасибо, Мамочка! Спасибо, дорогая! Я так счастлива, что теперь и помереть не страшно.

– Вишь чего удумала, помирать она собралась! У Мамочки никто не помирает! А я бываю не права. И очень даже часто.

– Она же ни черта не сказала! – не унималась Клэрри, закуривая новую «Крейвен-Эй» и не сводя с меня глаз.

Да, не сказала, потому что у нас с Мамочкой имелись свои условные знаки: коснувшись левой мочки, я сообщила ей, что тоже услышала проблему. Мамочка потерла друг о дружку указательными пальцами, лишь раз, чем подтвердила мои догадки. Плохо дело с сердцем. Его не слышно. Беда! О боже, Осока, успокойся, успокойся.

Гвен оказалась права: она мгновенно расслабилась, и через полчаса малютка уже пробиралась к выходу. Но вместо машущего кулачками розового счастья нас ожидало разочарование. На шею малышки намоталась пуповина, в результате – асфиксия. Мамочка быстро просунула пальцы меж пуповиной и шеей и освободила малышку, но без толку.

– Она не дышит, – произнесла я очень тихо, чтобы не услышала Гвен.

Клэрри, однако, почуяла неладное и подошла поближе. Вынув сигарку изо рта, она с размаху выпалила:

– Она же синяя!

– Синяя? – переполошилась Гвен.

– Заткнись и не мешай! – рявкнула на Клэрри Мамочка.

Малышка уже полностью выбралась, но была ужасно вялая. Мамочка хорошенько шлепнула ее по ножкам, потом по попе.

– Отсасыватель, – как можно ровнее произнесла она.

Порывшись в Мамочкиной сумке, я достала тонкую резиновую трубку и протянула ей.

– С ней все в порядке? Мамочка, с ней же все в порядке? – стонала Гвен.

Я стала останавливать ее кровотечение, чтобы она не отвлекала Мамочку. Чтобы Мамочке не мешали делать то, что было в ее силах. Мамочка положила малышку на спину, вставила ей в горло трубку и сильно втянула в себя воздух. Сплюнула в таз. Еще раз шлепнула по попе, но синее тельце оставалось бездыханным. Безжизненным. Все без толку.

Такое уже не скроешь! Клэрри притихла, Гвен замерла, как обухом по голове ударенная. Всем стало страшно. Нам оставалось только смотреть на Мамочку, которая меж тем к чему-то прислушивалась. Причем не к малютке, а к чему-то за окном. Она даже немного повернула голову.

– Осока, ведро холодной воды. Возьми в дождевой бочке. Только холодной.

Мне дважды повторять не требовалось. Метнувшись вниз, я взяла первый попавшийся таз, наполнила его водой из бочки и понеслась обратно. Я понимала, что задумала Мамочка, и лишних вопросов не задавала. Зато Клэрри решила вдруг проявить осведомленность:

– Так больше никто не делает! Она подхватит воспаление легких!

Мамочка пропустила замечание мимо ушей и плюхнула младенца в ледяную воду. Немного подержала там и вынула. Еще раз окунула в воду.

– Клэрри, тащи льняную муку, да поживее. Осока, а ты – золотую пыль.

Клэрри помчалась за льняным жмыхом; я тоже уже почти ушла из комнаты и вдруг услышала тихохонькое однократное «кхе», как будто отплеывался водяной насос. Малышка. Она прокашлялась и легонечко вздохнула.

– Осока, чего время тянешь?

Пришлось изрядно покопаться в кладовке Гвен, чтобы найти семена горчицы, которые Мамочка прозвала «золотой пылью». На кухне я отыскала ступку с пестиком и измельчила семена. Тут прибежала Клэрри с льняным жмыхом: она жила в соседнем доме. Из жмыха с измельченными семенами я приготовила жидкий компресс и отнесла его в комнату Гвен.

Спеленутая полотенцем кроха уже лежала на животе у роженицы. Мамочка пристрастно осмотрела приготовленную смесь, взяла у Гвен ребенка и развернула полотенце. Нанесла компресс на спинку, опять запеленала малютку и отдала ее Гвен.

– И никакого воспаления легких, – отчеканила она, строго поглядывая на Клэрри.

– Мамочка! Родненькая! – ликовала Гвен. – У меня девочка! Я так о ней мечтала! Скажи, с ней все будет хорошо?

И хоть опасность миновала, Мамочка не спешила раздавать обещания. Она никогда ничего не обещала, считая, что природа несовершенна, однако ей хватало мудрости вести себя так, словно и вправду все будет хорошо.

– Запиши ее, – сказала она мне. – Запиши время рождения и вес ребенка. Запиши, что у Гвен родилась здоровая девочка.

Мамочкина дотошность в таких вещах была единственной уступкой ненавистной бюрократии, лишившей ее возможности легально заниматься любимым делом. Сама она ни писать, ни читать не умела и, мало того, прилюдно заявляла, что считает эти навыки бессмысленными, однако же гордилась тем, что я могу и то и это. Так она показывала миру, что, мол, и мы не лыком шиты и можем, если надо, зарегистрировать рождение. Поэтому я взяла блокнот и написала: «Дочь Гвен Хардинг, 8 фунтов 9 унций, родилась в 4 ч. 16 мин. пополудни 4 февраля 1966 г.». И дальше от себя добавила: «Ребенок полнолуния».

Гвен растворилась в экстазе материнства. Даже ее подруга Клэрри заметно повеселела. Взяв в зубы очередную сигарету и угрожая кровати новой порцией пепла, она задумчиво произнесла:

– А знаешь, Мамочка, верно ведь люди говорят, что ты все видишь заранее. И про девчушку знала.

Вообще-то, это я, коснувшись мочки уха, сообщила Мамочке, что у Гвен девочка. И, только заручившись моим экспертным мнением, она сочла возможным рассказать Гвен. Мне было лестно: выходит, после сотни таких, как Гвен, я наконец-то стала разбираться почти как Мамочка. Ведь это она научила меня определять пол не по тому, как протекает беременность, а по тому, как бьется сердце: у девочек медленнее, чем у мальчиков, и через некоторое время, задолго до того, как станет видно, что между ног, их уже можно различить. Однако некоторые вещи и мы не можем предугадать: вот как сейчас, когда сердечко билось медленно совсем не потому, что было девичьим. Но им – всем этим Гвен, Клэрри и прочим – мы это не рассказывали. Мы вообще мало что рассказывали. Почти что ничего.

И если честно, мы мало с кем общались. Поэтому на следующий день я очень удивилась.

Дул сильный ветер; стояла ужасная февральская погода, для стирки, правда, вполне приемлемая. Висящая на веревке простыня вдруг колыхнулась в мою сторону, будто хотела за ногу укусить, я тоже не осталась перед ней в долгу и водворила выскочку на место. Никаких послаблений этим драчливым простыням! На маленьком транзисторе «Хитачи» тихонечко поигрывала пиратская радиостанция «Радио Каролина». Да, батарейки стоили целое состояние, но я любила работать под музыку и подпевать, где получалось. Нельзя сказать, чтобы Мамочка разделяла мою любовь к поп-музыке. Скорее, совсем не разделяла. Всю современную музыку она называла белибердой. Белибердой и гадостью.

А я знай себе пела и продолжала петь, даже когда за простыней послышалось шуршание и промелькнула тень. Тут я притихла и отступила на пару шагов. Пожалела, что Мамочки нет дома. Простыня тем временем отдернулась, и я увидела нарочито серьезное, но забавное, в рыжих кудряшках лицо. Артур Макканн – страшно высокий и оттого всегда сутулый. Артур был в кожаной мотоциклетной куртке и ослепительно-синих джинсах в обтяжку – не знаю уж, как он добивался такой синевы.

Я отвернулась и стала дальше развешивать белье.

– Ну ты меня и напугал! Я аж за грабли схватилась.

– Осока, ты шуток не понимаешь, что ли? Я же не со зла.

Я знала Артура со школы. Его глаза, такие же синие, как джинсы, подмигивали мне и помахивали изящными ресницами. Проверив, на месте ли мои любимые заколки, я вспомнила о дырке на локте.

– Если Мамочка тебя здесь застанет, тебе влетит. Она вернется с минуты на минуту.

Артур вылез из-за простыни, которая тут же попыталась его хлестнуть.

– Осока, кончай уже прятаться за спину Мамочки Каллен. – Он подошел поближе, пахнуло пивом. – Пора тебе завести нормального парня.

Артур был хулиганом из соседней деревни Халлатон. Местечко хуже некуда. Ох и историй я могла бы рассказать про них! Не выпуская из зубов прищепки, я прошепелявила:

– Нормального парня? Уж не тебя ли?

Потом я потянулась к веревке, прекрасно понимая, что так мой зад предстанет перед ним во всей красе. Я прямо спиной чувала, как его руки мечтают оказаться у меня на бедрах. И хотя Мамочка обозвала бы меня «шлюшонкой», а сзади тяжело дышал Артур, я все-таки нагнулась к бельевой корзине, встряхнула очередную простыню и снова разогнулась. И ровно в ту секунду, когда он собирался сделать решающий бросок, я развернулась:

– На кой мне сдался полудурок халлатоновский! Потом, ты же почти мой ровесник. А я хочу мужчину постарше.

– Куда тебе постарше? Я в самом соку, пойми.

– Тебе всего двадцать один. Ты не в соку. Ты мальчик. А мне нужен мужчина, который способен меня чему-то научить.

Естественно, я знала, что он ответит, и Мамочка сказала бы, что я заигрываю. Без сомнения.

– Я тоже мог бы тебя кое-чему научить, – ответил Артур, почесал подбородок и похлопал белыми ресницами.

Я снова отвернулась: теперь нужно было прищепить белье к веревке. Хочу ли я, чтобы он меня коснулся? Да, именно так я у себя и спрашивала. Хочу ли?

– Ай! – вскрикнул Артур.

Я резко обернулась: Артур схватился за пятую точку, а за ним с клюкой наперевес стояла Мамочка Каллен и угрожала новым ударом.

– С чего ты взял, что можешь заходить в мой сад? – ревела Мамочка, испепеляя его глазами цвета сгущающейся бури.

– Да мы же просто разговаривали.

– Вы просто разговаривали! Как же! Еще скажи, что ты за ней ухаживал! – Мамочкин внушительный бюст ходил под кофтой ходуном, толстые щеки комично подергивались, но темно-карие глаза пылали гневом. – Если к девице подкрадываются сзади, так это не называется ухаживанием! Мы жили без таких ухаживаний и дальше проживем. Тут вообще никто не ухаживает, пока я не разрешу!

– Мамочка, мы просто разговаривали! Чего пихать в меня сразу кочергой!

– Сейчас я те еще всыплю, парняга. Ты с ней не просто разговаривал, полудурок халлатоновский! Ты к ней тянул свои бесстыдные ручищи, я все прекрасно видела.

Артур опять потер якобы саднящую задницу, хотя глаза его при этом смеялись. На самом деле больно ему, конечно, не было, и все это понимали, но с детских лет я хорошо усвоила, что в обращении с клюкой Мамочка не знает полумер. На счастье Артура, пока она только разминалась, но ситуация могла усугубиться в любую секунду.

– Мамочка, помилуй.

– Что?! – завопила Мамочка. – Еще раз увижу тебя здесь, сломаю палку о твою дурацкую спину.

– Ой, Мамочка! – смеялась я; она так мастерски умела управляться с палкой, что лучше было не нарываться.

Артур был молод и силен, поэтому он ловко выхватил у Мамочки клюку и перемахнул с нею через забор. Мамочка была старой, но и она могла дать жару, поэтому рванула за ним.

– Пока, Осока! – весело крикнул он из-за калитки, приставив клюку к забору.

Потом вскочил на мотоцикл и ударил по газам. Мамочка бросила ему вдогонку горсть земли, но он уже умчался, даже звук мотора почти затих.

– Прочь из моего сада, козлина рыжий, полудурок халлатоновский, и никогда не возвращайся!

Забрав клюку из-за забора, Мамочка присела на садовую скамейку, чтобы отдышаться. Я молча вернулась к прерванному развешиванию белья. Закончив, присела с нею рядом. Мы в тишине усталились в пространство. Довольно скоро у Мамочки дрогнули плечи. Я продолжала молчать. Потом она не выдержала:

– Козлина рыжий! – фыркнула и разразилась хохотом.

Я поддержала ее:

– Полудурок халлатоновский!

Широкие Мамочкины плечи затряслись еще сильнее.

– Козлина рыжий халлатоновский, охотничек до зайцев.

Она зашлась безумным хохотом, загикала, заулюлюкала и такхватила себя по коленке, словно та ей была не дорога. Я не осталась в стороне: зафыркала и захрюкала. На наше счастье, жили мы вдали от всех, и некому нас было услышать или увидеть. А то бы...

Но разве можно было не смеяться? Невозможно. При всем желании.

Старая Мамочка Каллен была моей приемной матерью; она меня удочерила, когда моя родная мать скончалась. Мамочка рассказывала, что появилась я на свет случайно, у женщины, чьи старшие дети уже выросли и вовсе не горели желанием взять к себе ребенка, тем более рожденного от другого отца. Сводного брата и двух сестер я никогда не видела. Задолго до описываемых событий Мамочка Каллен потеряла собственного ребенка, и с той поры в ее истекшем кровью сердце зияла черная дыра, которая стенала и выла, пока, лет уже хорошо за пятьдесят, Мамочка не решила ее заполнить. Это случилось в сорок шестом году. Война только закончилась, и Мамочке удалось забрать меня без лишней волокиты. Я думаю, просто рядом не оказалось органа, которому было бы дело до сей малозначительной детали. В то время обеспечить едва оторванного от сиськи младенца крышей над головой было куда важнее, чем занести его фамилию в реестр.

– Я притащила тебя прямо из больницы, – рассказывала она, и я ни разу не усомнилась в правдивости ее слов.

Мамочке нужно было заполнить пустоту, поэтому она взяла меня к себе. И все. Она меня любила и относилась ко мне не лучше и не хуже, чем относилась бы к родному ребенку, то бишь постоянно колотилась, чтобы в доме было тепло, чтобы на столе было достаточно еды, а в шкафу – чистой одежды, и палкой она меня отдубасила лишь дважды. Любовь же ее выражалась в том, что она уделяла мне поразительно много времени.

Мамочка слушала, Мамочка отвечала, Мамочка раскладывала для меня по полочкам все-ленную. Имелась у нее одна привычка: прежде чем предложить свою версию событий, она на секунду закатывала глаза и аккуратно разъясняла, в чем эта версия расходится с мнением соседей, а в чем нет. Когда у меня случились первые месячные, она мне сразу рассказала, что к чему, и после всегда гнала мальчишек со двора. Артур Макканн был далеко не первым, на кого она накинулась. Хотя на этот раз мне показалось, что она переборщила. О чем я ей не преминула заявить.

– Мамочка, я уже достаточно взрослая, чтобы за себя постоять.

– Я знаю, но настанет день, когда ты повалишься перед одним из них на спину. Не буду же я вечно их отгонять. Природу не обманешь. Повалишься как пить дать.

– А вот и нет.

– Помяни мое слово. Не важно, что ты о себе вообразила. Он на тебя глянет, смекнет, где фартук развязывается, раз потянет, другой потянет, глядишь – а ты уже валяешься в траве, подрагиваешь от удовольствия и думаешь: «Какая же я молодец, что согласилась». Так все и происходит. Ты, главное, смотри не дай себя обрюхатить. Ну, этому я тебя вроде как научила.

И правда научила. Хотя местами от Мамочкиной арифметики ум за разум заходил. «Возьми верхнее из чисел от одиннадцати до восемнадцати и вычти его из количества дней

между самыми короткими за последние шесть месяцев месячными, а нижнее из чисел вычти из количества дней между самыми длинными за последние шесть месяцев месячными. Если между самыми короткими месячными было двадцать шесть дней, а между самыми длинными тридцать один, гони своего хахаля поганой метлой между восьмым (то есть двадцать шесть минус восемнадцать, так?) и двадцатым (а это у нас тридцать один минус одиннадцать, верно?) седьмого месяца. Вот так-то. И, может, пронесет. Хотя немного уксуса на губке не помешает».

– Артур нормальный парень.

– Да знаю я. Но что ты будешь делать, когда меня не станет?

– Ты проживешь еще сто лет.

– Ой ли? Сегодня я платила в деревне за электричество, будь оно неладно, и вдруг меня как звездануло. Как будто кто-то сильно ударил сразу по позвоночнику и в грудь.

– Так это было электричество?

– Нет, дурачина ты эдакая. Старость. Мне семьдесят семь, и я, наверное, чувствую, когда меня зовут.

Я отвернулась. Мне не хотелось, чтобы она увидела мои слезы. Но от нее ничто не укрывалось. Ничто и никогда.

– Ты справишься, мой зябличек, – сказала Мамочка.

В эту секунду замер даже ветер. Потом он с новой, неожиданной силой налетел на простыни, взметнул их высоко над веревкой и мотанул в нашу сторону. Мы тихо наблюдали.

– Как миленькая справишься, – добавила она.

2

Дождь я услышала прежде, чем он закапал. Мы с Мамочкой как раз свернули с дороги на тропинку, уходящую в поле. Стояло раннее февральское утро, и было зябко. Мамочка намотала на голову старенькую шаль, а я укрылась от дождя прозрачным пластиковым капюшоном. Листья вечнозеленых растений ожили под струями дождя. От соприкосновения с мокрой травой мои ботинки заблестели как новенькие. Мы вышли собирать растения. Решили «покататься на волнах», как называла это Мамочка из-за неровного ландшафта: земля здесь то вздымалась, то опадала, подобно волнам в огромном синем океане, где ничего не стоило утонуть или затеряться.

Глаза мои смотрели на тропинку, но мысли витали где-то далеко. Мозг шелкал, как конторские счеты: так громко, что даже Мамочка, шагавшая не меньше чем в трех метрах от меня, услышала.

– Выкладывай, что там, – не утерпев, потребовала она.

– Ох, – начала я. – Да то же, что и раньше.

– Все у тебя от головы. А в ней, видать, слишком много. Думай не думай, ничего от этого не изменится.

Вот так она всегда. Что бы кто ни думал, это было не важно. Мамочка придерживалась мнения, что люди делают что должно, ведут себя, как считают нужным, но ничто в мире слов не может повлиять на истинное положение вещей. Она считала, что люди часто говорят не то, что думают, утверждают одно, а делают другое, выдают себя не за тех, кем являются, и в итоге сами не понимают, на каком они свете.

Что-что, а болтовню Мамочка на дух не выносила. «Узнал чего, так и держи при себе».

Собрав, сколько нам было нужно, мы побрели обратно лесом и дальше по невысокому, поросшему вайдой косогору, раскинувшись недалеко от Кивелла. Тропинка круто забирала вверх, и время от времени Мамочке приходилось опираться на мою руку. Она пыхла, сопела и кляла артрит на чем свет стоит. Как только мы свернули на узкую дорожку, ведущую к нашему дому, она вдруг стукнула меня палкой по ноге и зашептала:

– Гляди! Чужие!

Обычно в столь ранний час людей здесь не было, только если кто-то мимо на работу шел. Поэтому, увидев примерно в ста ярдах от нашего домишки старенький фургон с разинутым капотом, мы удивились. В траве на корточках сидели двое, довольно странного вида. Они курили и отрешенно смотрели вдаль, в то время как их третий приятель, ушедший с головой в мотор, ворочал проводки и что-то бурчал себе под нос.

Я, прямо скажем, и сама не модница, но эти были одеты феерично. Компашка хоть куда. На девушке длинная юбка с заляпанным подолом, а сверху тонкая батистовая блузка под армейским бушлатом с медными пуговицами. Она мусолила руками нечесанные волосы и блаженно улыбалась. Ее приятель, погруженный в скручивание сигареты, был облачен в потрепанную кожаную куртку и белую рубашку без ворота, каких давно не носят. Кожа его казалась не по сезону загорелой, нос явно был когда-то сломан и потом вправлен. На голове с длинными, ниже плеч, волосами сидела фетровая шляпа с широкими полями. Стоит ли говорить, что шляп тоже давно не носят. На шее у него потренькивал колокольчик, как у буренки.

Я ахнула. Кто это: бродячий цирк или предрассветные гости из сказочного мира?

– Битники, – прошептала Мамочка.

Мужчина, надо думать, обладал отличным слухом, потому что оторвался от скручивания сигареты и произнес:

– Приветствую, – при этом подмигнув сначала Мамочке, а потом мне.

– Хрм, – выдавила Мамочка.

Она умела издавать такой звук – нечто среднее между приветствием и рычанием, а ты уж сам решай, что это было.

Я промолчала. Издеваться не хотелось, а здороваться с ним тоже не тянуло. Приветствует он нас, как же! Небритый, немытый, кожа на куртке местами вытерлась до безобразия. Иногда свои приветствия лучше оставить при себе. А он вдруг как подскочит и пропустил нас так театрально, с поклоном. Потом осклабилс я, глядя на меня, похотливо прошелся языком по клейкому краю сигареты.

Копаящийся в моторе мужчина поднял голову.

– Лишней крышки распределителя не найдется? – заорал он.

Я, честно говоря, не знала, что такое «крышка распределителя». Что такое «битник», я тоже не знала. Цыган с электрогитарой – как-то так я их себе в то время представляла. Я сделала умное лицо, и мы прошествовали мимо.

Сзади послышалось:

– Я так понимаю, это означало «нет».

Наша калитка жалобно скрипнула. Я говорила Мамочке, что нужно просто капнуть на петли немного масла, но она упорно отказывалась: мол, так она слышит, когда к нам кто-нибудь пришел. Поэтому все оставалось как есть. Тем более что этим утром она мне сообщила, что видела в кустарнике королька.

– Запомни, – произнесла она, – это к гостям.

И гости действительно нагрянули. Тихий стук в дверь оповестил о появлении первого из двух незваных посетителей мужского пола, наведавшихся к нам на той неделе. Я в это время чистила очаг. Гость первый оказался джентльменом в туристических ботинках. Брюки заправлены в носки, натянутые аж до колен. С преувеличенной вежливостью одной рукой он приподнял над головою мягкую охотничью шляпу, не выпуская из другой руки изящной трости с серебряным набалдашником. На шляпе красовалась лента, из-за которой торчало изумрудно-зеленое перо.

– Доброе утро! – бодро приветствовал меня сей джентльмен. – Простите, что беспокою в столь изумительный день!

Он слишком много улыбался, а я этого не выношу. К излишним церемониям я тоже не привыкла. Под би-би-сишным акцентом и хорошими манерами скрывалось не тепло, а чувство социального превосходства, спрятанное под маской наигранной сердечности. Я встала и отерла руки о передник.

– Могу ли я войти? – спросил мужчина.

– Нет, пока не скажете, зачем явились.

Ведь как бы вежливо ты ни изъяснялся, не очень-то культурно держать человека в неведении относительно твоих намерений. Я подняла с решетки зольник и так решительно шагнула к гостю, что он отпрянул. Воспользовавшись замешательством, я проскочила мимо него с зольником в сад и высыпала пепел на землю. Ветерок подхватил несколько крупинки и занес одну из них джентльмену в глаз.

Изрядно проморгавшись, он приложил к сердцу ту руку, в которой были трость и шляпа, а другую поднял в примирительном жесте.

– Виноват. Простите бога ради. Я ищу миссис Меган Каллен и подумал, что вы приходите ей дочерью. Но, право, не ожидал увидеть столь очаровательное создание.

Без тени улыбки я возвратилась в дом и с грохотом поставила зольник обратно на решетку. Неужто городские на такое покупаются?

– Я вовсе не очаровательное создание, – сказала я.

Он снова улыбнулся:

– Вижу, вам нелегко понравиться.

– Так вы расскажете, зачем пришли?

Мужчина опять моргнул. Наверное, все та же пепелинка.

– Моя фамилия Беннет. Приехал я, надо сказать, издалека. Из университета, из Кембриджского университета. Вон там моя машина. Я рассчитывал взять интервью у миссис Каллен.

– Интервью? Взять интервью у Мамочки?

– Ну, это официально выражаясь. На самом деле хотел с ней просто поболтать. Возможно, записать пару вещей из тех, что она расскажет.

– Мамочка ушла на рынок.

Беннет почесал голову.

– Вот оно что! А вы не знаете, когда она вернется? Конечно, я мог бы подождать в машине.

Я несколько смягчилась и подумала, что стоит пригласить его в дом. Выглядел он довольно безобидно. Но не успела я принять решение, как за спиной гостя мелькнула тень.

– А Мамочка уже вернулась, – провозгласила она. – Вы кто таков?

Она проковыляла мимо джентльмена, а затем внимательно и вместе с тем нарочито равнодушно выслушала все то же, что он прежде поведал мне.

– Иди-ка чайник поставь, – велела она. – Тебе не говорили, что морозить гостя на пороге невежливо?

– Но ты же всегда...

– Чушь. – Она повернулась к джентльмену. – Так вы заходите или нет? Садитесь куда-нибудь, только не сюда, это мое место. Сюда, вот так. – Она повесила пальто за дверь и опустилась в кресло у камина. – Люблю, чтобы видно было дверь.

– Конечно, миссис Каллен. – Мужчина развеселился, но в то же время словно присмирел. – Я хорошо вас понимаю.

– Откуда вам про меня известно?

Беннет порылся в кармане и достал визитку.

– От этого господина, – ответил он и передал визитку Мамочке.

– Я не умею читать. Пусть девочка прочтет.

Я прочитала вслух:

– «Доктор Монтегю Батс, Тринити-колледж, Кембриджский университет».

– Впервые слышу, – бросила Мамочка. Но я-то видела, как она скрестила ноги: значит, врет.

Беннет переполошился:

– Да что вы! В самом деле? А он, представьте, уверял меня, что минимум однажды встречался с вами. В этом самом доме. Как несуразно!

Я собиралась вернуть ему визитку, но он впихнул ее мне в руку. Едва наш посетитель отвернулся, я сразу бросила ее в огонь, и в считанные секунды она сгорела.

Чай я ему налила, но в битую чашку.

– Тогда я сам все объясню, – предложил Беннет.

– Да уж пожалуйста, – съехидничала Мамочка.

Не выпуская трости и шляпы из рук, он наклонился к Мамочке и принялся рассказывать, что они с Батсом фольклористы. Для них это скорее хобби, чем серьезная научная работа, но в этом хобби они неутомимы. Да, так он и сказал: «неутомимы». Они исколесили всю страну, записывая и собирая то, что называется «устной традицией». Им интересны, продолжал он, песни, сказки, суеверия, народная медицина... в общем, все мало-мальски любопытное.

Мамочка в задумчивости потеряла подбородок.

– Что ж, – молвила она, – певица из меня не очень. Дайте мозгами пораскинуть.

Порою она меня просто поражала. Я прикусила губу.

– Нет, – сообщила она. – Петь я не мастерица. У нас Осока главная по этой части. Она хоть не фальшивит. А у меня и времени-то нет на всяких патлатых битников с их новомодными, прости господи, песенками.

– Как раз новомодные песенки нас не интересуют, – заметил Беннет, – а волосы, как бывший служака, я предпочитаю стричь коротко.

– Тогда понеслась, – сказала мне Мамочка.

Я встала и выдала ему «Простачка из Ковентри», причем тот вариант, в котором тридцать два куплета и в каждом двустрочный припев. Пока я пела, Беннет легонько постукивал ногой об пол, делая вид, что исполнение приводит его в неописуемый восторг; он всеми силами старался не рассмеяться, что получилось, но не очень. По завершении песни он положил трость со шляпой на пол и вежливо зааплодировал.

– Она этих песен знает чертову тучу, – прокомментировала Мамочка. – Еще она ученая. Книг сто, наверное, прочитала. Нет, вру, побольше ста.

– Волшебное! – воскликнул Беннет. Достал из кармана блокнот и вытащил из-под его переплета крохотный карандаш. – А с чем-нибудь из области народной медицины вы не сталкивались?

– Осока, выдай мистеру Беннету бутылку бузиновой настойки. Тащи из кладовой, да поживее.

– Чрезвычайно щедро с вашей стороны, миссис Каллен, я даже не уверен, что могу принять.

– Придется. Еще придется звать меня Мамочкой, как все меня тут называют. Скажите: «Мамочка». Смелее!

Я принесла ему бутылку мутной настойки из бузины. Она была хорошая, просто мы ее столько заготовили, что девать было некуда.

– Что ж, Мамочка, раз вы настаиваете. В современном обществе растет интерес к народной медицине.

– Вот, значит, как? Народная медицина... Постойте. Я знаю, что бузиновая настойка помогает при нерегулярном стуле. Вы регулярно на горшок ходите?

– Да, то есть не то чтобы...

– А ваш мистер Батс из Кембриджа? Он регулярно на горшок ходит?

– Видите ли, я не очень в кур...

– Так вот, хоть я и не протираю зада по колледжам, одно я знаю точно: если вы каждый вечер будете выпивать по глотку моей настойки, гадить будете регулярно. И друг ваш, мистер Батс, он тоже будет гадить регулярно.

– Уверен, он будет вне себя от счастья.

– Тогда запишите это в книжечку.

– Прошу прощения, миссис Каллен?

Я заткнула рот уголком передника, чтобы не рассмеяться в голос.

– Я говорю, чиркните себе на заметку. Народная медицина. Так и пишите: «Настойка бузины. Один глоток на ночь, и регулярный стул обеспечен».

Беннет законспектировал. Потом закрыл блокнот и доверительно склонился к Мамочке:

– Миссис Каллен... Мамочка... теперь давайте поговорим о народной медицине... в целом.

Но Мамочка уже, пыхтя, вставала из кресла. Она вся скрючилась, взялась обеими руками за поясницу.

– Пойду прилягу. Ох уж этот артрит: чуть посидишь, и начинает болеть, будь он не ладен. Осока, развлеки нашего гостя.

Она опустила занавеску, которая отделяла гостиную от лестницы, и потащилась по скрипучим ступенькам вверх.

Беннет безрадостно на меня взглянул:

– Я полагаю, вам нечего сказать мне о народной медицине?

– Нечего, – отвечала я, – зато я знаю песню, которая вам, возможно, понравится.

Я встала, и понеслась душа в рай.

3

Я слышала по радио, как голоса – американские голоса – рассказывали о первой орбитальной стыковке; космический корабль назывался «Джемини-8». Сообщалось, что астронавты благополучно вернутся домой, а русские скоро сядут на Луну. Рассказчик утверждал, что до конца десятилетия человек пройдет по лунной поверхности. То есть всего через три года. Я слушала с открытым ртом. Мамочка тоже открыла рот, чтобы дать свою оценку происходящему. Обычно она говорила, что все эти «выстреленные» в космос штуки меняют климат – конечно, в худшую сторону.

И только она собралась опять высказаться в том же духе, как вдруг ее здоровое ухо встрепенулось.

– Чу! Вроде бы калитка. Осока, глянь.

Ей показалось, что скрипнула калитка. Я подошла к окну: в саду было пусто. Возможно, она ждет почтальона, подумала я, хотя корреспонденцию мы получали не чаще, чем вести из космоса; приносили нам только квитанции. Она переживала из-за денег. Говорила, что, если лето не задастся, нам придется туго.

Кормились мы из разных источников; из слишком разных, жаловалась Мамочка, намекая на отсутствие стабильного, как у людей, дохода. Акушерством мы занимались нерегулярно, а сумму вознаграждения оставляли на усмотрение рожениц. Фиксированную цену не назначали, да и не могли бы, ведь Мамочка работала без лицензии.

Задолго до моего рождения карьера Мамочки рухнула, а вместе с ней и всякая надежда на получение профессиональной квалификации. Теперь еще и государство предлагало бесплатное медицинское сопровождение беременности по месту жительства. Эпоха повитух прошла, и Мамочка понимала, что только добрая слава среди местных дает ей шанс хоть изредка принимать роды. История трагическая, ведь акушерство она обожала и в нем не знала равных. Она обладала чутьем. Она обладала знанием. Ей только не давали их использовать.

За домом мы держали тощих кур, на корм которых тратили чуть меньше, чем выручали от продажи яиц и тушек. Варили джем из фруктов с нашего малюсенького сада и ягод, что собирали на окрестных болотах. Мы провоняли весь дом, выпаривая цветочные эссенции, которые тоже продавали; на пальцах наших появились мозоли от шитья. Еще мы иногда пекли: для свадеб, застолий и всего такого прочего, хотя в последнее время все реже. Не знаю почему. Случалось, мы стирали белье, но это было самое ненавистное. Мы тратили до неприличия мало, и все равно нам вечно не хватало денег.

Вы спросите, за что Мамочку лишили права заниматься любимым делом? За то, что иногда она спасала девушек в отчаянном положении. В этом была вся Мамочка. Без душещипательной беседы она их, конечно, не отпускала, но никогда не отказывала.

Тем временем по округе разнесся слух, что на полуразвалившейся ферме Крокера поселились хиппи, или, как их упорно называла Мамочка, битники. Те самые, с которыми мы уже имели счастье познакомиться.

У деревенских они особой популярностью не пользовались. Да и кому понравится шайка грязнуль и лодырей! Но выселить их с фермы тоже никто не мог, поскольку одному из хиппи она досталась по наследству. Поместье Стоукс (которое, промежду прочим, владело и нашим домиком, и Мамочке казалось, что лорд Стоукс вместе с управляющим только и ищут повода, чтобы нас выдворить) пыталось приобрести этот участок, однако новый владелец не только устоял перед соблазном, но и позвал к себе приятелей-грязнуль.

После ознакомления с Мамочкиными взглядами на битников и прочих бичей деревенской жизни мы перешли к вопросу о некой Джейн Лоут. Надо было решить, чем ей можно

помочь. Перед принятием решения я пошла в туалет; уборная у нас располагалась на улице. Открыв дверь, я увидела нечто такое, отчего сразу заорала, а дверь захлопнула.

Мамочка тут же примчалась с клюкой наперевес.

– Что ты там говорила про хиппи? – выдавила я.

– А что?

– Один из них у нас в сортире.

Мамочку передернуло, гигантская грудь заколыхалась. Потом она шагнула вперед и так брезгливо ткнула палкой в дверь туалета, будто за нею пряталась змея или крыса. На унитазах восседал тот парень, которого мы видели у сломанного фургона. Штаны у него были спущены до колен, темные очки на носу придавали сходство с насекомым, но я все равно его узнала по сломанному носу.

Он-то и оказался нашим вторым незванным гостем мужского пола, хотя, конечно, вовсе не таким напыщенным, как тот мужик из Кембриджа.

– Ты что здесь делаешь? – гневно спросила Мамочка, не закрывая двери.

Он облизнулся.

– Дам вам три попытки, – произнес хиппи. – Если с трех раз не догадаетесь, значит вы обе дуры.

– Я сейчас полицию как вызову, поговоришь тут у меня.

– И что вы им скажете? Что я украл ваш бак с дерьмом?

Видок у него был еще тот: в темных очках, без штанов, бледный как привидение, волосы слиплись. Весь потный.

– Ты не имеешь права, – продолжила Мамочка, – шлаться, где тебе вздумается.

Тут парень снял очки и посмотрел ей прямо в лицо:

– А вот на эту тему я бы с удовольствием поспорил. Но можно сначала закончу?

Мамочка хлопнула дверью. Мы отошли в сторонку и подождали. Через пару минут он вышел.

– Как тут у вас спускается?

– Набираем воду в ведро из колонки, – ответила Мамочка. – Ты вообще, что ли, ни черта не знаешь?

– Да вы живете в каменном веке.

– Ну раз ты выше этого, – вступила я в дискуссию, – сри на улице.

Парень окинул меня взглядом, старым как мир. Пот лился с него ручьем. Он взял ведро, поставил его под раструб, опустил рычаг, набрал воды, отнес ее в уборную и вылил в унитаз. Потом швырнул ведро на гравийную дорожку.

– Я живу на ферме Крокера, – сообщил он.

– Я знаю. – Мамочка сложила на груди руки. Она отчего-то развеселилась.

– У нас повально начался понос. Я как раз проходил мимо вашего дома, и тут мне приспичило. Я понимаю, что нужно было спросить, но было, простите, не до того.

– Мамочка, он весь мокрый, – заметила я.

– Я вижу. Вы воду из того ручья пили?

– Пили.

– Там ил гнилой, поэтому вода отравлена. Надо было хоть у кого-нибудь спросить.

– И что нам делать?

– Снимать штаны и бегать. Надо вырыть глубокую канаву и сбросить туда весь ил. Тогда ручей очистится. А пока придется качать где-то воду и таскать домой. Мы все тут так живем.

Парень ухмыльнулся:

– Вы не разрешите пользоваться вашей колонкой? А то откуда нам воду таскать?

Мамочка в раздумье выпятила нижнюю губу.

– Разрешу. Но только обещайте помнить, что негоже вваливаться в чужие дома, если тебя не звали.

Парень достал из кармана табак и начал скручивать сигаретку. Облизывая край бумажки, снова посмотрел на меня многозначительно.

– Клево.

Мамочка вздрогнула. Ей вряд ли раньше доводилось слышать «клево».

– Осока, тащи сбор от поноса. И что, ты думаешь задержаться у Крокера?

– Ферма принадлежит мне. И... всем нам. Хотим заняться фермерством.

– Ха, скоро перехотите, – провозгласила Мамочка.

Я возвратилась с пакетиком. Парень покосился на него с недоверием.

– Заваривай, как чай, – пояснила Мамочка. – Но долго не настаивай. Там лабазник, шалфей и кой-чего еще, если кому интересно. Закрепит как миленького.

Он приоткрыл мешочек и втянул ноздрями воздух.

– Нереально. Меня, кстати, зовут Чез. Может, подружимся?

– Как бы не так! – ответила Мамочка. – Проваливай.

Чез явно не ожидал такого поворота событий. Слегка кивнув, он развернулся и зашагал прочь, вальяжно махнув нам на прощание рукой.

– Одно слово, битники, – подытожила Мамочка, проводив его взглядом. – Нам с ними не по пути.

А я подумала: когда она успела составить мнение о битниках? Видать, успела. У Мамочки была богатая история. Такая, что о ней знали далеко за пределами нашей деревни. К ней посылали ученых дураков из университетов, хоть и без толку. Но меньше всего Мамочка хотела, чтобы ее история стала достоянием гласности.

Она ревностно охраняла подробности личной жизни, считая разговоры на эту тему опасными.

– Информация – сила, – говаривала Мамочка.

И ничего не рассказывала даже мне, своей приемной дочери, совсем не балаболке. Она, конечно, научила меня быть осторожной, спасибо ей за это. Но ее прошлое мне приходилось собирать по крупицам, буквально выдергивать из слухов, обрывков чужих историй, сплетен и ее собственных откровений, которые случались крайне редко и всегда внезапно. Ее главный принцип был «Не рассказывай», а жизненное кредо «Не говори ни слова».

Томящиеся в сердце страсти – вот что скрывалось за Мамочкиным молчанием. Выплескивать их она не собиралась. Она учила, что раскрытый рот, как и раздвинутые ноги, до добра не доведут. Не знаю чем, но эти хиппи или битники ее растрогали. Я удивилась и начала строить догадки. В моей голове рождались образы сродни фантазиям, но чуточку иного свойства. Догадки складывались из Мамочкиных заминок. Заминки выстраивались в алфавит, язык предположений и озарений. Конечно, не идеально точный, но все же. Картинки хаотично роились, лавировали, как груженные углем вагоны лавируют на запасных путях, и в результате выстраивались в требуемом порядке. Догадке вдруг находилось подтверждение, между событиями появлялась связь. Я видела проблеск правды. Причем с такою ясностью, что Мамочка сразу понимала. И страшно злилась, когда у нее не выходило что-то скрыть. Оказывается, она удочерила ребенка, способного приподнимать глухую завесу, которой она укрылась от мира много лет назад.

Я этого не понимала. Ну расскажи она мне парочку историй, что с того? Поведай, как случилось то или это? Где девушке еще узнать о жизни, как не из рассказов тех, кто пожил? Конечно, мне хотелось знать все, и дальше больше, чем все. С прикрасами и без. Ведь что может быть интереснее, чем слушать и рассказывать: секреты, сплетни, пересуды, слухи, сенсации. А Мамочка вела себя как жмот, как скряга и жадина, не выдавая никаких подробностей,

хотя вся соль именно в них. Я этого не выносила и пообещала себе, что никогда не стану такой наученной горьким опытом скупердяйкой. Я не хочу прожить всю жизнь остерегаясь. Поэтому мне приходилось бороться с Мамочкиным воспитанием.

– Так и будешь всю дорогу хмуриться? – спросила Мамочка. – Все от лукавого.

Мы с ней тащили по корзине с ненавистным шитьем. И все ради каких-то трех шиллингов в час! Я с трудом проглотила распирающую меня злобу, а то бы точно вшила ее в белье.

– Так это ж ты весь день испортила, – отрезала я. – Так грубо отослала парня!

Мамочка с хитрым прищуром приподняла клюку:

– Значит, понравился тебе? Битничек?

– Ничего я такого не сказала.

– Да будет тебе, стервочка моя ненаглядная, – нежнее произнесла она, – давай живее, пока весь день не вышел.

И то ли чтобы сменить тему, то ли действительно чтобы обсудить, Мамочка начала рассказывать про Джейн Лоут, дочь торговца газетами, которая недавно подошла к ней на рынке в Маркет-Харборо.

– Какой у нее срок? – спросила я.

– Говорит, что пропустила всего одни месячные, но ее тошнит и она чувствует, что залетела как пить дать.

– Так даже проще. Ты ей поможешь?

– Я ей сказала то же, что говорю всем.

– Спросить у госпожи?

– Спросить у госпожи. Хотя сама не понимаю, зачем я с этим вожусь. Ведь сразу видно: завтра явится как миленькая. Я ей скажу: ты спросила у госпожи, Джейн Лоут? Конечно, Мамочка, я у нее спросила. И как она выглядела, Джейн Лоут? Э-э, что ты имеешь в виду, Мамочка? Как она выглядела, когда ты у нее спрашивала? Мамочка, когда я у нее спрашивала, она просто светила, и все. Ну, может, она лежала на спине, или была наполнена водой, или рвалась на восток или на запад, или у нее пузо вздулось? Ох, Мамочка, я в этом ничего не смыслю. И я тогда скажу: Джейн Лоут, ты на нее даже не посмотрела, ведь так?

– Но ты ведь все равно поможешь.

– Боюсь, что да. Но каждый раз, когда такие вещи делаются необдуманно, я мучаюсь. Я помогу любой, но только если она хорошо подумала.

– Мамочка, если не ты, ей придется отправиться в Лимингтон к тому карлику с вязальными спицами.

Мамочка вздрогнула и цокнула языком. А я пожалела о сказанном.

4

На следующее утро раздался робкий стук в дверь. Джейн Лоут явилась в розовой мини-юбке, капроновых колготках цвета загара и белых, до колен, сапогах из искусственной кожи. По мнению таких девиц, я одеваюсь как пугало, но даже я отпрянула. Для пущей неприметности она натянула на голову капюшон из белого поддельного горноста. Короче, закамуфлировалась Джейн примерно как пингвин в пустыне.

Что ж, иногда мне кажется, пусть лучше я буду пугалом. Она вошла. Желтые волосы, чуть толстоватый вздернутый нос; потом она присела, сложила руки на груди, скрестила ноги и так вся скрючилась, что просто ужас. Но больше всего меня убили неаккуратно наклеенные длиннющие накладные ресницы. Ну объясните мне, к чему такие кусты на глазах, если ты идешь в гости к женщине, к тому же по такому делу! Не понимаю я свой пол.

Джейн была на год меня старше, но почему-то боялась. Я это знала. Услышав, что Мамочка вернется только через час, она примостилась в уголочке с чаем и принялась разглядывать развешанные по балкам пучки трав и выглядывающие из-за занавески бутылки, банки и горшки.

У меня тихо играл транзистор.

– «Радио Каролина»? – спросила она.

– Да.

– Мамочка мне поможет? – не выдержала она наконец.

– Поможет. Но сначала кое о чем спросит.

Небесно-голубые глаза Джейн округлились.

– О чем же?

– Она тебя спросит, посоветовалась ли ты с госпожой, и ты должна ответить, что посоветовалась и что Луна в этот момент рвалась на запад; при этом не важно, где на самом деле была Луна, но, если Мамочка спросит, на что она была похожа, скажи: она была похожа на чашку с ручкой слева.

Джейн чуть не поперхнулась.

– С ручкой слева?

– Да, тогда она обрадуется, что ты все правильно рассмотрела. И хоть я знаю, что это ложь, но не мне тебя судить; пусть это остается на твоей совести. А потом Мамочка спросит, кто отец, и тебе придется сказать.

– Я не скажу!

– Придется, а то она не поможет.

– Черт побери, а это не может тоже остаться на моей совести?

– Попробуй не говорить, только она все равно прижмет тебя своим «мне надо знать». А если соврешь, она сразу тебя вычислит и пошлет к чертовой бабушке. И поедешь ты тогда в Лимингтон-Спа к гному, который делает аборты вязальными спицами. Тебе решать. Не плачь, Джейн. На-ка, вытри слезы; Мамочку слезами не разжалобишь. Тебе надо быть сильной, иначе она даже пальцем не шевельнет.

Джейн всхлипнула и утерла слезу.

– Что она сделает?

– Даст тебе чаю, на вкус он как мята. Ты его выпьешь, как она скажет, и все. Я знаю, о чем ты думаешь. Ответ – нет. Это не зелье и не колдовство. Просто травяной настой, который даст нужный эффект. Ты пропотеешь, покровишь, и все.

– О боже! Боже!

– Так, Джейн, если ты не готова, проваливай. Если Мамочка решит, что ты не готова, она точно не возьмется. Ступай к мужчине, от которого ты залетела, и узнай, нет ли другого выхода.

– Нет, я готова. Правда. Смотри. – Джейн достала из кармана мини-юбки конверт.

– Об этом даже не заговаривай и не пытайся всучить его Мамочке. Просто оставь на камине.

Петля на калитке жалобно взывала, сообщая, что Мамочка вернулась. Я ободряюще кивнула Джейн и выпрямила спину, показывая, как надо сесть, чтобы подобающе ее встретить.

Мамочка шумно ввалилась в дом, повесила клюку и закрыла за собою дверь.

– Доброе утро, Джейн.

– Доброе утро, Мамочка.

Я встала, чтобы помочь ей раздеться.

– Задницу не задувает в такой юбке? Ты госпожу спросила про наше дельце?

– Спросила, Мамочка; она рвалась на запад, как будто держала в левой руке чашку.

Мамочка обернулась и с изумлением посмотрела на меня. Я всеми силами старалась не покраснеть, но все-таки залилась румянцем.

– Черт знает что, – прокомментировала Мамочка. – Приступим.

После того как Джейн, прихватив мешочек с травами, поспешно удалилась, Мамочка достала нюхательный табак. Она его употребляла каждый день. Табак из магазина смешивала с серо-зелеными листьями чихотной травы, а смесь хранила в серебряной табакерке, подаренной кем-то в знак глубокой благодарности. Эта коробочка с цветочной гравировкой так часто бывала в Мамочкиной ладони, что постепенно приняла ее форму. Мамочка поддевала крышку большим пальцем, погружала его внутрь и, поднося понюшку к носу, уже захлопывала крышку. Как только табак попадал в нос, в глазах Мамочки возникал блеск. Мне это было отвратительно; я бы ни за что не стала пробовать. А Мамочка признавалась, что от табака мир ненадолго делался ярче.

– До чего ж безмозглая бабенка, – сказала Мамочка, в то время как лицо ее все больше и больше расплывалось от удовольствия. Она откинулась назад, чтобы не лилось из носа. – Она меня вообще не слушала. Мечтала только об одном – скорее смыться.

– Они тебя боятся, Мамочка. Пугаются.

– И хорошо. Если бы видели чуть дальше собственного носа, пугались бы еще сильнее. Она говорит, всего одну точку пропустила. Как же!

– С чего ей врать?

– Мой голубочек, бедняжки всегда врут. – Табак одновременно бодрил ее и делал ласковее, а становясь ласковее, она всегда называла меня «голубочком», «зайчонком» или «цветочком». – Сначала тянут, надеясь, что ошиблись, потом еще одних месячных нет, потом еще одних, а дальше они уже считают, что не было всего одних. Врут сами себе. Как и в любом другом деле, лжи больше, чем правды.

– Но это же опасно.

– Они еще зеленые – не понимают.

– Так ты ей дала птичий клей с блошиной мятой?

Мамочка не ответила, что было само по себе ответом. Казалось, ее мысли заняты чем-то другим. Я знала, что и в каких пропорциях она впихнула в руку Джейн, и с легкостью могла бы повторить рецепт, но Мамочка и близко не подпускала меня к этим снадобьям. Ягода омелы, которую мы называли «птичьим клеем», чрезвычайно опасна. Одно из лучших abortивных средств, она вызывает кровотечение и сокращения матки. Блошиная мята не просто придает отвару душистый вкус, она тоже стимулирует сокращения матки. Эти растения усиливают действие друг друга, но с омелой нужна абсолютная точность. Малейший просчет может привести к головокружению, галлюцинациям, параличу и даже смерти. Приготовление abortивных смесей Мамочка называла «игрой с лукавым» и на пушечный выстрел меня к ним не подпускала.

Она предупредила Джейн Лоут о неприятных побочных эффектах: мол, будет пот, рвота, боль и головокружение. Симптомы эти наказала списать на отравление собранными накануне сморчками или майскими грибами.

– С какого перепугу я пойду грибы собирать? – изумилась Джейн. – Я ж не какая-то монашка, горланящая песни на лугу. Я даже не знаю, как они выглядят.

– Как раз поэтому и ошибешься, смекаешь? В общем, так: встаешь с утра пораньше и отправляешься по грибы, а возвращаешься домой сияющая и очумевшая, как битники, что дальше по дороге живут. И не забудь по возвращении всем объявить, что сердце твое щемит от радости и предвкушения весны.

Как только Мамочка отвернулась, Джейн молча положила деньги на каминную полку, взяла банку и вышла.

Я уточнила у Мамочки, что она вручила Джейн Лоут, только чтобы понять ее намерения. Когда была уверена, она всегда давала самые действенные abortивные средства, как в случае с Джейн Лоут. Когда же сомневалась или ей казалось, что девушка сама еще не до конца решила, Мамочка назначала более мягкие препараты: майоран, свеклу или валериану. Они вызывали кровотечение, но не наверняка. В таких случаях Мамочка говорила, что река сама решит, куда ей течь. Ой уж эта Мамочка! Она говорила, что реку невозможно заставить что-то сделать. Она может потечь. А может и передумать.

Но дело было не только в этом. На выбор abortивного средства – не то чтобы всегда, но часто – влияло то, что именно Мамочке удалось вызнать.

– Значит, она сказала, кто отец? Я думала, она не станет.

– Конечно рассказала! Куда они денутся! Посмотрят на меня – и тут же все выкладывают. Выходит, не так уж плохо, что они меня чуток боятся.

– Что-то новенькое?

– Нет, это имя здесь уже звучало, – ответила Мамочка, глядя куда-то в сторону. Она взяла кочергу, поправила горящее полено. – Этому только дай девку на спину уложить. – Хихикнула и опустила кочергу на пол. – А им и нравится, дурам.

5

На ветке пронзительной трелью залилась малиновка. Мне временами казалось, что эта птица следует за мною по пятам. Всегда одна и та же. Особенно когда мы с Мамочкой шли в поле на сбор растений. Едва малиновка замечала, что я взрыхляю почву, тем самым открывая доступ к пище, как раздражалась бурными восторгами. Так и сейчас: ликующая песня отвлекла меня, а голос Мамочки вернул обратно.

– Ты меня слушаешь? – спросила она. – Я поедом себя ем. Надо поговорить, не то худо будет.

Через три дня после визита Джейн Лоут мы встали рано и пошли собирать мать-и-мачеху, которую Мамочка называла «лошадиным копытцем». Она хороша при астме, проблемах с бронхами и кашле, а также в виде компресса при язвах и варикозе. Мы часто поднимались спозаранку и «катались на волнах», собирая травы среди зеленых просторов Шенкс-Пони. Тем утром по земле стелился призрачный туман, поднявшийся из маленькой речушки, протекающей неподалеку. Мать-и-мачеху лучше собирать, пока цветки закрыты, говорила Мамочка. Еще она любила делать из листьев этого растения порошок. Он очень помогает от заложенного носа. А Мамочка его покуривала. В нашем садочке мать-и-мачеха тоже росла, но в недостаточном количестве: нет лучше средства от простуд и кашля, а продержаться нужно до следующей весны.

– Я извелась вся, думая, сколько всего надо тебе рассказать. Я ведь могу в любой момент преставиться.

Я думала о своем. Запахи утра, журчание резвой речушки и песня малиновки унесли меня в далекие дали. Я чувствовала, как на лицо прохладой ложится туман; слышала, как трава цепляет подол пальто и как ботинки проминают землю под ногами. И от всего этого сердце мое трепетало. Черные слизняки карабкались по зеленым стеблям; улитки вылезли наружу, почуяв теплую сырость.

– Девулька, ау! – воскликнула Мамочка. – Ты где витаешь? Пряма фея на цветке нарцисса. Очнись!

– Что-что, Мамочка?

– Да то. Мне нужно рассказать тебе уйму всего, что знаю я, а ты не знаешь.

Таким прекрасным весенним утром мне только дай повод повитать в облаках, но я прекрасно понимала, о чем она, и попыталась сосредоточиться.

– Так назови имена, а я их запишу.

– Записывать ты ничего не будешь, – отрезала Мамочка, срывая очередную головку мать-и-мачехи. Цветок с легким щелчком упал в раскрытую ладонь. – Что не записано, того не отнять.

– С этим трудно поспорить.

– И даже не пытайся. Придется тебе все запомнить. Ведь важно, чтоб ты знала, кто есть кто.

Я вот еще почему так невнимательно следила за тем, что говорила Мамочка. Она давно уже грозила все мне рассказать и каждый раз шла на попятную. Я слышала эту песню столько раз, что, когда дело доходило до обещаний, переставала слушать. Она говорила, что знание это слишком опасно, мне не по зубам.

Мамочка всегда рассказывала – как и на этот раз за сбором мать-и-мачехи, – о чем ее секретная информация. Но собственно информацию не выдавала. Речь шла о так называемом списке отцов. Это был длинный перечень, хранившийся у нее в голове и содержащий данные, полученные от местных девушек и женщин, юных и не очень, которые когда-либо обращались к ней за помощью. Там были фамилии отцов незаконнорожденных детей, чьи матери пришли

к ней слишком поздно или без надлежащей решимости; фамилии отцов, которые благодаря вмешательству Мамочки таковыми не стали; фамилии отцов, которые не знали собственных сынов и дочерей; а также фамилии отцов, которым по состоянию здоровья никогда не стать отцами. Мамочка любила повторять, что груз этого знания тянет ее ко дну. И вероятно, когда-нибудь утробит. И в то же время оно давало власть. Поэтому она всю жизнь внушала мне, что сдержанность и скрытность – важные вещи.

– Ведь никогда не знаешь, когда что может пригодиться, – вещала Мамочка. – А оно пригодится, помани мое слово.

– Да, Мамочка, – мычала я, – надеюсь, ты когда-нибудь мне все расскажешь.

В то утро я насобираала много мать-и-мачехи и мало знаний. Невероятно, как долго она могла болтать на эту тему, ничего не выбалтывая. Одни фамилии, говорила Мамочка, принадлежали людям, давно ушедшим и мне незнакомым. О других можно было догадаться по вялому подбородку или неправильному прикусу. Но случались и полные неожиданности. Внимая ее бессодержательному рассказу, я думала, что блуд, пожалуй, одно из самых любимых занятий в нашем укромном уголке Центральной Англии. Намного более любимое, чем театр, футбол, учеба или церковь.

– Мамочка, выходит, люди только этим и занимаются?

– Ну, иногда устраивают передышки.

Хотя, не занимайся они этим, не видать нам ни прошлого, ни будущего. И помнится, я еще спросила:

– Так что, все этим занимаются? Прямо все?

– Все, кроме нас с тобой, – ответила Мамочка. – Все, кроме нас с тобой.

Сказала и почему-то страшно развеселилась.

Что до меня, то больше всего на свете я любила собирать растения: в полях, лесах, канавах, речках – где угодно. Мамочка приобщила меня к миру лекарственных трав, как только забрала к себе: сначала носила в слинге из тканого одеяла, потом я уже топала за нею по тропинкам. Каталась на волнах. Мое первое сознательное воспоминание – сладкий аромат бузины. Я полных двадцать лет оттрубила учеником знахаря. И хоть я придерживалась иного мнения, Мамочка часто говорила, что уже научила меня почти всему.

Собирать надо, учила Мамочка, на заре и в сумерках – когда дверь приоткрыта лишь на тоненькую щелку. Какая дверь? Я часто размышляла об этом, но не решалась спросить. Наверное, догадывалась, что за дверь, но приоткрытость ее меня пугала. Конечно, не только из-за двери мы собирали на заре и в сумерках: народу меньше и разговоров тоже. Казалось бы, что предосудительного в двух женщинах, собирающих в поле траву! Ан нет, всех это остро волновало, и каждый раз я прямо нутром чувствовала, как начиналось: «Опять эта Каллен с девчонкой отправились на свое темное дельце!»

Ну и пусть, думала я. Нам-то что! Но Мамочка не позволяла себе такого легкомыслия. Я в силу молодости не знала того, что было хорошо известно ей. К примеру, что не стоит доверять тем людям, которым ты помог. «Молчи как дуб и ничего не записывай».

Я относилась к сбору трав как к священнодействию и не стеснялась его. Что мы со всей этой добычей делали? Сушили, вялили, отжимали и настаивали, перетирали в порошок и вымачивали. А многое выбрасывали. Все, что не пригодилось, потеряло лечебные свойства, оказалось собранным не в ту фазу луны или когда слишком стемнело. А я, как попка, все повторяла и рьяно выполняла указания, хотя частенько в них сомневалась.

Если бы вы знали, как красиво на рассвете в умытом росой поле, когда с земли дымками поднимается туман! Когда, едва касаясь влажной травы, ты будто нарушаешь чей-то сон. А в сумерках! Ты собираешь листья или ягоды, а кажется, что трогаешь руками сами сумерки, ска-

тавшие в ватные комочки. Хоть на катушку их наматывай, такие осязаемые. Белые комочки по утрам, темные по вечерам.

Тем утром, когда, груженные мать-и-мачехой, мы шли домой, Мамочка вдруг встала как вкопанная, опершись на клюку.

– Задница чешется. К чему бы это?

Ее вечная присказка.

– Не знаю, – сказала я.

Она всмотрелась куда-то в даль, за поле.

– Мы далеко не все обговорили.

Какое там! Мы даже не начинали. Но почему-то в тот день ее «не все» меня испугало. Испугало сильно, даже сильнее, чем когда в тринадцать лет она меня показывала госпоже. Скорее всего, меня насторожило, *как* она это сказала: отстраненно, не глядя мне в глаза, всматриваясь в даль.

– Что ты задумала, Мамочка?

– Это не я задумала, а судьба. Судьба задумала.

– Иногда мне кажется, что это одно и то же.

– А тебе не кажется, что ты грубишь?

– Мамочка, умоляю, не томи.

– Скоро тебе нужно будет Обратиться. А если я до этого помру? Кто тебе поможет?

– Мамочка, ну сколько можно говорить о смерти? Ты же здорова как бык.

– Я чувствую, что наше время было и ушло.

– К чему такие мрачные мысли!

– Да уж какие есть. Кто это к нам пожаловал?

Действительно, на пороге нашего домика стояла женщина. Черная шляпка-колокол была надвинута на глаза, как будто гостья хотела остаться незамеченной. Я эту женщину не знала.

– Понятия не имею. Интересно, что ей нужно?

– Кажись, я эту кралою знаю. Ой, не к добру.

Когда мы подошли, возникло секундное замешательство.

– Мамочка, Осока... – начала женщина. Она казалась встревоженной. – Я Джудит, дочь Долл.

И только тут я поняла, что знаю и ее, и Долл. Долл была «избранной», как Мамочка, но что-то между ними разладилось, когда я была еще ребенком, поэтому я их много лет не видела. На Джудит была длинная вельветовая юбка, сапоги на шпильках, в ушах болтались огромные кольца. Она кивнула мне как старой знакомой. Глаза ее сверкали, и я подумала: интересно, они только сейчас сверкают, потому что она нервничает, или всегда?

– Я знаю, кто ты, – сказала Мамочка. – Что случилось?

– Сначала я думала зайти в дом и подождать там, но потом решила: вдруг вы рассердитесь. Вот и ждала на крыльце.

Мамочка никогда не запирала дверь. Уходя, она специально оставляла ее полуоткрытой, чтобы все видели, что она скоро вернется. Протиснувшись мимо Джудит, она жестом позвала нас в дом.

– Чего ты мямлишь, заходи. Что стряслось? Зачем пришла?

Поднять глаза на Мамочку Джудит не решалась. Думала, что будет легче, если она расскажет новость, глядя на меня.

– Мамочка, это касается Джейн Лоут. Она умерла.

6

Мамочка грузно опустилась в кресло рядом с камином. Клюка со стуком упала на пол, откуда я через мгновение подняла ее и водрузила на вешалку. Левой рукой Мамочка схватилась за голову, правую уронила на колено. Лицо ее мгновенно осунулось. А ведь она и вправду постарела. Такой я ее видела впервые. Она была раздавлена: она, которая всегда была готова дать отпор любому, которая с голыми руками шла на здоровых мужиков!

Я заглянула в невыносимо честные глаза Джудит, заметила, как удивительная синева радужки перетекает в изумрудную зелень.

– Что говорят? – спросила я.

– Рассказывают, что она поела грибов и, вероятно, отравилась. Что она собрала их утром в поле и приготовила на завтрак.

– А доктор с этой версией согласен? Как фамилия шарлатана? Не Блум ли?

Джудит поморщилась и отвернулась:

– Пока согласен. И все бы ничего, да сестра Джейн тоже, оказывается, ела эти треклятые грибы, и теперь она всюду трезвонит, что с нею почему-то все нормально.

– Конечно нормально, если ядовитый гриб был всего один и достался Джейн.

– Так-то оно так, но мы же понимаем, что дело не в грибах.

– Кому известно, что она ходила к Мамочке?

Джудит пожала плечами.

Я напряженно думала. Не попевала за собственными мыслями.

– Надо забрать у них Мамочкину банку. Она должна быть где-то в доме.

– Легко сказать! Хотя... я учила ее младшего брата. Могу зайти к ним. Типа выразить соболезнования и все такое.

Я вспомнила: Мамочка рассказывала, что одна из «избранных» работает учительницей в школе. Джудит так странно посмотрела на меня – будто отсчитывала, сколько пройдет секунд, прежде чем я отвечу.

– Серьезно? Ты сможешь попасть к ним в дом?

– Не знаю, но я могу попробовать.

– Пожалуйста, Джудит, ради Мамочки! Пожалуйста. И если по дороге наткнешься на ядовитую энтолому, возьми ее с собой, брось где-нибудь на кухне, чтобы заметили. Она очень похожа на майский гриб.

– Тебе не кажется, что ты просишь слишком много? Возможно, все и так уляжется.

– Возможно.

Мне нужно было присмотреть за Мамочкой, которая так и сидела в совершенном очумении, не произнося ни слова. Я проводила Джудит до двери:

– Давай так. Если кто-нибудь спросит, скажем, что Джейн приходила, но Мамочка ее отослала, потому что срок был слишком большой. Да, так и скажем. Но только если кто-нибудь спросит.

Джудит легонько коснулась пальцами моей щеки:

– Я напишу тебе мой адрес. Заходи в гости. Мне кажется, мы похожи. Вдруг тебе станет одиноко!

Порывшись в сумке, она извлекла оттуда ручку и клочок бумаги. Склонилась в шляпке-колоколе над бумагой и стала похожа на диковинный лесной цветок. А я стояла и думала: неужто в кои-то веки судьба послала мне друга? Проводив взглядом, как она выпорхнула за калитку и чуть ли не поскакала по тропинке, я возвратилась в дом и налила Мамочке хорошую порцию сливянки.

– Профурсетка, – резюмировала она. – Чистая профурсетка эта Джудит.

- Да, Мамочка.
- А ты заметила, как у нее глаза меняют цвет?
- Заметила, Мамочка.
- Не знаю, можно ли ей доверять.
- Да, Мамочка.

Но долго сосредоточиваться на чем-нибудь другом у Мамочки не получалось. С маниакальным упорством ум возвращался к одному и тому же.

- Я ведь всегда так осторожна, – повторяла она. – Всегда.
- Я знаю, Мамочка. Знаю. Выпей, тебе сегодня досталось.

– Даже когда промахиваюсь, то в меньшую сторону. Я думаю: ну, если не подействует, видать, так тому и быть.

– Мамочка, твоей вины тут нет. Здесь дело в чем-то другом. Кто знает: может, эта идиотка действительно сожрала поганку. Или пила не так, как ты велела. Или вообще пошла к кому-то другому. Возможны тысячи причин.

– Мне бы узнать, что там произошло. Сильное кровотечение? Или рвоту не смогли остановить? Если бы я только знала, если бы за мной послали, я бы спасла ее. За всю жизнь со мной такого не случалось.

– Мамочка, перестань терзаться. А если кто-нибудь спросит, скажи, что ты ее отослала ни с чем.

- Я навлекла на наш дом беду.

– Мамочка! Ты просто пыталась помочь очередной несчастной дуре. Как всегда. И это – главное.

Но Мамочку не так легко было утешить. Она начала постепенно угасать. Будто к ней подкрались сумерки. Она все делала по-прежнему, но как-то механически, без привычной живости и бодрости. Частенько отвлекалась, думала о своем, и, хоть иногда мне удавалось выжать из нее улыбку, улыбка получалась хилой, натянутой – чтобы просто сделать мне приятное. Сливянку и табак она теперь употребляла чаще, но с меньшим удовольствием.

Все это было так для нее не характерно, что я забеспокоилась: вдруг причина не в Джейн Лоут.

Чудесная Джудит с заданием справилась; каким-то образом она проникла в скорбящий дом Лоутов и выцепила оттуда Мамочкину банку – уже пустую. Подбросить ядовитый гриб не получилось, но в целом грибная история прижилась. Слухи, конечно, не прекратились, но Мамочкиных ушей они не достигали. Джудит мне все докладывала, а я решила ничего не говорить.

Джудит меня всерьез заинтересовала. Я попросила Мамочку побольше рассказать о ней и выяснила, что в семье она была седьмым ребенком, родившимся поздно, считай случайно. Шесть первых были мальчики. Мамочка говорила, что Долл принадлежала к «избранным», выходит, и Джудит тоже. Вот почему она взялась нам помогать. Когда я попыталась разузнать, из-за чего мы не общались, Мамочка заявила, что они такие бешеные, что я бы с ними не сошлась. Невразумительное объяснение, но я сделала вид, что верю. Еще я выяснила, что Джудит работает учительницей в начальной школе Маркет-Харборо.

На той же неделе к нам заглянул деревенский констебль Билл Майерс. Засунув шлем под мышку, он мялся в дверях и чувствовал себя ужасно неудобно, будто стыдился, что выполняет такую обязанность. Мать Майерса, на тот момент двенадцать лет как скончавшаяся, всегда с восторгом отзывалась о Мамочке и говорила, что в трудные времена, когда позволить себе доктора мог не каждый, Мамочка их сильно выручала. Нервно покусывая карандаш, Билл заявил, что вынужден выяснить, не навещала ли нас Джейн Лоут. Из уважения к Мамочке он задавал вопросы мне.

– Она действительно приходила, – ответила я, налив ему бузиновой настойки, – по поводу беременности. Но Мамочка сказала, что срок слишком большой, и отправила ее восвояси.

– Это правда, Мамочка?

– Я отправила ее восвояси, – со вздохом повторила Мамочка.

Майерс принялся делать заметки в блокноте, но передумал.

– Она, случайно, не назвала отца ребенка?

– С какого перепугу ей называть отца ребенка? – слишком ретиво выпалила я.

– Заткнись, девчонка, я еще в состоянии сама ответить. – Мамочка повернулась к Майерсу. – Она думает, я из ума выжила.

Майерс попытался обратить все в шутку:

– Нет, Мамочка, пока не выжила. Выходит, Джейн ушла, не получив помощи и не назвав отца?

Мамочка присутствовала при родах Майерса. Она окунала будущего констебля в ледяную воду, когда он, весь склизкий, только что выбрался из матки. И, глядя прямо ему в глаза, она сказала:

– Да, Билл, выходит, так.

– Что ж, этого вполне достаточно, – подытожил Майерс, захлопнул блокнот и осушил стакан. – Ну, я пошел. Ты береги себя.

– Я постараюсь, Билл, я постараюсь. Тебе машину-то еще не дали?

Деревенского блюстителя порядка давно обещали пересадить с велосипеда на патрульную машину.

– Да ожидаю со дня на день.

– Куда ты денешь этот драндулет?

– Отдам тебе, Мамочка.

Обмен остроумиями вышел так себе, но Майерса он убедил. Следующие несколько дней Мамочка почти не выходила из дому. Сидела и терзалась судьбой Джейн Лоут. Она раз за разом прокручивала в голове свои действия: мысленно готовила лечебный сбор, выверяла компоненты и их объем, выискивала ошибку. И хотя на меня свалились все домашние обязанности и поручения, я очень волновалась: уж больно сильно на нее подействовала эта история. Мамочка выглядела бледной и измученной.

Когда погода выправилась, я всеми правдами-неправдами уговорила Мамочку сходить со мною в город. Я знала, что она боится пересудов и что ей стыдно показываться на людях.

– Тебе нужно сходить на рынок и вести себя там как ни в чем не бывало. Иначе все подумают, что ты боишься. А значит, виновата.

И Мамочка сдалась. Она взбодрилась, помылась и переоделась. Несушки наши хорошо неслись, поэтому мы набрали полную корзинку яиц, взяли шитье и, облачившись в теплые пальто, отправились в центр Кивелла на традиционный воскресный рынок.

День был прохладный и ветреный. В глазах рябило от ярко-белых мчащихся по небу рваных облаков, а воздух наконец-то наполнился пронзительным ощущением весны. В кустарниках бурлила жизнь. У Мамочки уже почти улучшилось настроение, как вдруг я подвернула ногу, за что-то зацепившись на поросшей травой обочине. Я ойкнула, отпрыгнула и села на камень.

– Ой, нехороший знак, – сказала Мамочка. – Разворачиваемся.

– Со мною все в порядке. Сейчас сниму туфлю, ногу чуть помассирую, и пойдем.

– Не нравится мне это. Что-то будет.

– Да ерунда. Обычный вывих. Через минуту все пройдет.

Пока я мяла лодыжку, Мамочка осмотрела тропинку, поизучала облака. Я всеми силами старалась игнорировать ее провидческие выкрутасы: мне нужно было довести ее до города. А

она тем временем уже приглядывалась к деревьям и кустам. Я знала: заметь она там хоть одну сороку или дерябу, нам бы пришлось идти домой.

Надев туфлю, я бодро заявила:

– Вот, Мамочка. Теперь все хорошо. Пошли.

Когда мы добрались до центра Кивелла, на рынке уже вовсю кипела жизнь: лотки, лоточки, грузовики. Мы подошли к молочнику, которому обычно сдавали яйца. Упитанный краснорожий мужичина лет шестидесяти по фамилии Трамп. Мне он никогда не нравился. Косился вечно и поджимал при этом губы. Через всю щеку у него, от носа к уху, тянулась жуткая семейка бородавок, как темный млечный путь. Я дождалась, пока от лотка не разойдутся покупатели, и подошла с корзинкой. Мамочка встала рядом. Приветствовал нас Трамп довольно бодро.

– Сегодня у нас целая корзинка, – радостно возвестила я.

Ему вдруг срочно приспичило переложить сыры.

– У меня сегодня яиц в избытке.

– Вот, значит, как, – сказала Мамочка.

Я осмотрела прилавок. Яйца имелись, но чтоб в избытке!

Трамп вытер пальцем нос.

– Сегодня не могу. Простите. – И отвернулся обслужить очередного покупателя.

– Такого в жизни не было, чтобы он не взял мои яйца, – сказала Мамочка.

– Но если у него в избытке, значит в избытке. И все тут.

– Нет у него никакого избытка. Пошли домой.

– Мамочка, не надо придумывать то, чего нет. Сдадим кому-нибудь другому.

Я отыскала бакалейщика, который с радостью освободил нас от яиц, потом мы занесли шитье по адресу и на минутку остановились посудачить со старой Мамочкиной знакомой на площади. И хоть мне показалось, что старушенции хотелось поскорее смыться, я не сказала Мамочке. Мы быстро покончили с делами и побрели домой. Наш путь лежал мимо паба «Белл».

«Белл» был забит народом. Музыкальный автомат играл моих любимых «Ярдбердз» и «Кинкз», а сквозь открытую дверь на улицу струился одурманивающий аромат табачного дыма, кислый запах эля и шум болтовни. Бывало, Мамочка водила меня в «Белл» на кружку темного, но в этот день она не выказывала ни малейшего желания заходить внутрь. Напротив, она прибавила ходу. И все же, едва мы отошли от паба на несколько шагов, как сзади промелькнула чья-то тень, и Мамочку толкнули в спину.

Их было двое: оба спитые, разящие перегаром, оба мне незнакомые. Как только Мамочка пришла в себя и развернулась, чтобы дать обидчику сдачи, сзади подвалил второй детина и снова толкнул ее, теперь уже к пабу.

– Чтобы тебя тут больше не видели! – просипел первый.

Он сильно надавил ей руками на грудную клетку, чтобы толкнуть в обратную сторону. Мамочка заорала на него благим матом, но оступилась и полетела в канаву; клюка забряцала по мостовой. Мамочка лежала в канаве на спине и тяжело дышала.

После секундного шока я подхватила клюку и кинулась с нею на ублюдков, но только зря воздух взбаламутила: их уже и след простыл. Никто из собравшихся зевак не вызвался помочь мне в вызволении Мамочки из канавы. Я попыталась поднять ее сама, но чуть не надорвалась. В итоге помощь подоспела в лице Артура Макканна. В своей извечной кожаной куртке, он вышел из паба, склонился над Мамочкой, похлопал изящными ресницами и помог ей подняться. Потом отряхнул и без единого слова передал ей палку.

От двери в паб послышалось визгливое:

– Артур, не ввязывался бы ты лучше, а?

Кучка народу, до этого как воды в рот набравшая, вдруг разом загалдела. У входа стоял мужчина, лицо которого мне показалось знакомым. Он очень пристально следил за происходящим. Мамочка уже встала на ноги, но еле дышала. Кто-то протянул ее корзинку.

– Может, ей выпить принести? – предложил Артур. – Она неслабо рухнула. Хреново выглядит.

– Мы сами справимся, – вдруг холодно отчеканила я.

– Не трогай Артура, он ни при чем, – измученно сказала Мамочка. – Осока, води меня домой.

Если бы вы только знали, как было тяжело! Мамочка навалилась на меня всем своим немалым весом, и мы заковыляли прочь, гонимые песней «Прочь с моего облака» этих гопников «Роллинг Стоунз»¹.

Мамочка так и не оправилась от этой потасовки. Придя домой, она легла в кровать. Я в ужасе смотрела на бешеное количество синяков, испещривших старческую спину, руки, ноги. В преклонном возрасте кожа ведь уже не та и восстанавливается не так легко, как в молодости, а Мамочка, что говорить, была старухой. Под ее чутким руководством я приготовила мазь на растительном масле из молодых листьев бузины: я прогревала листья в масле, пока они не стали хрусткими, потом процедила полученную смесь сквозь сито и перелила в банку. Втирая мазь в Мамочкины синяки, я ей нашептывала слова успокоения. Она лежала с закрытыми глазами и только иногда моргала.

Как стемнело, на нашем ясене заухала ушастая сова. Она считается предвестницей несчастья, и я расстроилась, а Мамочка сказала, что это хороший знак.

– Сколько ни помогай людям, – сокрушалась она, – рано или поздно тебе это выйдет боком. Вот почему мы с ними особо не якшаемся. Рано или поздно выйдет боком, помани мое слово.

– Мамочка, поспи.

Я напоила ее успокоительным отваром из мяты и валерианы, которую она звала вандаловым корнем. На ясене снова ухнула сова. Луна светила так ярко, что было видно, как птица, нахохлившись, сидит на ветке. Подумав, что я смогу спугнуть сову, если настроюсь, я посмотрела на нее. Сова не шевельнулась, только взглянула на меня в ответ.

Назавтра Мамочке стало хуже, и я послала за местным терапевтом Блумом. Как доктора она его ни во что не ставила, и он был в курсе. Но он пришел – с портфелем, стетоскопом, весьма напыщенный. На мизинце у него сидело колечко, а Мамочка мне говорила, что это знак масонов. Не знаю, так ли это.

Блум вечно куда-то торопился. Вот и сейчас он прямо-таки взлетел по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Осмотру Мамочка не сопротивлялась, и вскоре доктор пригласил меня вниз.

– Придется увезти ее в больницу, – сообщил Блум, пройдясь рукой по жирным от бриолина волосам.

– Ни за какие коврижки! – отрезала я.

Мамочка ненавидела больницы. На то у нее имелись веские причины.

– У нее повышенное давление. И несколько ребер сломано. – Засунув стетоскоп обратно в кожаный портфель, он оглядел подвешенные к потолочным балкам травы. – Здесь она задохнется от гнили.

У них и раньше возникали разногласия по данному вопросу.

– Вы никуда ее не повезете. О ней никто не сможет позаботиться, как я.

¹ «Get off of My Cloud» – сингл *The Rolling Stones*, выпущенный осенью 1965 г. и поднявшийся до первого места в хит-парадах США и Великобритании.

– Ты тоже совершенно безнадежна, – молвил Блум и щелкнул застёжкой портфеля. – Приду к вам завтра и, если ей не станет лучше, заберу, уж будь уверена. – И вышел так стремительно, как будто мы его не выпускали, а он буквально чудом вырвался. Оставил за собой только рецепт на болеутоляющие таблетки и гадкий запах бриолина.

В тот вечер к нам пришла Джудит со стариком в дерюге. От старости он весь сгорбился. С ушей – от раковин к мясистым мочкам – свисали белые клочья шерсти. Он был похож на тролля. Старик, не глядя на меня, напрямик отправился на второй этаж в спальню к Мамочке. Я замерла у лестницы, не понимая, что мне делать, но Мамочка его, похоже, знала, потому что через секунду я услышала:

– Уильям, ты видел когда-нибудь такую развалюху?!

– Кто это? – спросила я у Джудит.

– Уильям говорит, что вы лет десять тому назад встречались.

Хорошенько пораскинув мозгами, я вспомнила, что ведь и правда знакома с Уильямом. Мы с Мамочкой ходили к нему домой. Она сказала, что он разводит пчел и покажет нам ульи. Даже тогда он выглядел как древний дед, страдающий артритом. Та встреча получилась короткой и странной. Когда мы подошли, Уильям высаживал в огороде лук-порей. Мамочка его окликнула, он встал – я помню, как хрустнули колени, – вытер руки о темные рабочие штаны и потянулся ко мне. Я помню эти выпачканные землей ладони. По дурости я решила, что он протягивает мне руку для пожатия, а он потянулся куда-то дальше и запустил грязные пальцы мне прямо в волосы.

– Значит, твоя? – спросил Уильям.

– Моя, – ответила Мамочка.

Он долго меня разглядывал. Лениво отмахнулся от назойливой навозной мухи.

– Ну ладно, – произнес он. – Сойдет.

И отвернулся к грядке с пореем. И все. Ульев я так и не увидела.

Я сделала всем чай и отнесла его наверх. Мамочка болтала без умолку, она буквально ожила, хотя Уильям ее, считай, не слушал. Придвинув стул к подножию кровати, он прямо на одеяле раскладывал пасьянс почти полностью стертыми картами.

– Я слышал, к вам заходит наш славный горе-доктор, – произнес он, не отрываясь от пасьянса.

– Он говорит, у Мамочки ребра сломаны.

– Ничего у меня не сломано! – натужно захихикала она. – Подумаешь, пара синяков!

– Хочет забрать ее в больницу, – упорствовала я.

Уильям оторвался от карт:

– Только не это. Оттуда ей уже не выбраться.

– Да все не так уж страшно! – заметила я примирительно, имея в виду то ли Мамочкино состояние, то ли больницу. То ли и то и другое.

– Только не в этот чертов склеп! – воскликнул Уильям. Он на меня как будто рассердился. – Ты отвечаешь за то, чтобы она не попала в больницу. А где обещанный чай? – Он посмотрел на меня многозначительно и снова уткнулся в карты.

7

Когда гости ушли, я поднялась по скрипучим ступенькам на второй этаж провести Мамочку. Она спала. Тогда я спустилась, прибралась и с книжкой отправилась обратно в спальню. Решила, что немного посижу с ней рядом, почитаю. Я знала, что даже во сне она почувствует мое присутствие.

Через раздвинутые занавески на меня взидало утыканное звездами небо. Одна звезда двигалась, и я решила, что это спутник, возможно даже советский. Всегда, когда я замечала в небе мерцание, я представляла себе русского космонавта Валентину Терешкову. Вот русские: отправили женщину в космос, так почему американцы отстают? Если они и вправду скоро высадятся на Луне, я очень надеюсь, что в команде будет женщина. Ведь это правильно. А вы так не считаете? Вот Валентина наверняка бы согласилась полететь на американской ракете. Я даже подумывала, не написать ли в какую-нибудь ответственную инстанцию, но вряд ли ко мне стали бы прислушиваться.

Задержав занавески, я включила светильник и села читать. Книжечку эту я прикупила по случаю всего-то за шесть пенсов в букинисте. В ней говорилось о планете, сводившей людей с ума. Безумно интересно. Я уже почти дошла до конца, как Мамочка вдруг проснулась. Она уселась на кровати и произнесла:

– Ему захочется горяченького. Чего бы приготовить?

– Мамочка?

– Не дашь же просто бутерброд. После всего, что он пережил и сколько прошагал.

– Мамочка, ты хочешь пить? – Я коснулась ее руки, пальцы были ледяные. – Дай я взобью тебе подушку.

– Не обо мне сейчас речь. Ральфу захочется горяченького.

Рука моя метнулась к заколкам, я на секунду отвернулась. Мамочкиного сына Ральфа убили в конце Первой мировой в Монсе. Уже после подписания перемирия. Она рассказывала, что его убил солдат, не примирившийся с тем, что война закончилась. Полковая сабля Ральфа хранилась в Мамочкиной спальне в нижнем ящике комода. Вот интересно: бывает ли, что человек проснулся, сел на кровати, но продолжает видеть сон?

– А ты как, Мамочка? Ты не проголодалась?

В этот момент она, похоже, очнулась. Непонимающе на меня посмотрела. Обшарила взглядом комнату, проверила светильник, дверь, окно, словно не узнавала.

– К нам Уильям приходил? – спросила она.

– Да. С Джудит. Навещали тебя.

Она причмокнула губами:

– Уильям говорил про лошадь?

– Нет, Мамочка, тебе приснилось. На, выпей воды.

Сделав глоток, она опять легла. От вида разметавшихся по белизне подушки седых волос мне стало невыносимо грустно. Она прикрыла глаза. Я посидела рядом, пока не убедилась, что она заснула.

Назавтра Мамочка проснулась поздно. Чувствовала она себя прескверно, а руки и ноги оставались холодными как ледышки, несмотря на гору одеял. В довершение всего ребра в месте удара распухли и посинели. Надев пальто, я поспешила в деревню звонить в приемную доктора Блума. Секретарша пообещала, что передаст мое сообщение.

Доктор Блум явился ближе к полудню. Он сразу же пошел наверх. Буквально через пару минут спустился.

– Я улучшений не наблюдаю. Сейчас распоряжусь, чтобы приехала «скорая» и отвезла ее в больницу.

– Но она не поедет!

– Она уже с трудом соображает. Спросила, не крысолов ли я.

– Она шутила! Такое уж у Мамочки чувство юмора.

Он сел за стол, достал бумаги и принялся писать.

– Мне так не кажется. Она пожаловалась, что у вас в балках крысы водятся.

– У нас действительно там крысы! Бывает, что они забираются под крышу!

– Ее необходимо отвезти в больницу. Чем ты ей здесь поможешь? – Он показал на все наше свисающее с потолка богатство: пучки пиретрума, вербены, крестовника, укропа, зверобоя. – Ты *этим* будешь ее лечить?

Я возразила, что не допущу, чтобы ее забрали, и Блум вздохнул. Он заявил, что не готов ходить к нам ежедневно, в особенности если его рекомендациями пренебрегают. Добавил, что если мне его советы не нужны, то нечего звонить. Сказал, что Мамочке необходимо сдать анализы.

– Анализы? На что?

– На то, чтобы я мог ответить на твой вопрос. По-моему, ты забываешь, что ей семьдесят семь лет. Хочешь, оставь ее здесь и пичкай своим вонючим зверобоем, лапками летучей мыши, да хоть чертом в ступе. Или я ее забираю. Но бегать туда-обратно каждый день я не намерен. Решай.

И он защелкнул портфель.

Клик-клак.

Наверное, позволив Блуму увезти ее в больницу, я совершила худший поступок в жизни. А что мне было делать? Сопротивляться? Возможно. Тут Мамочка еще так странно выступила: дала уговорить себя даже раньше, чем я сама созрела. Короче, приехала «скорая» и забрала ее. Она взглянула на меня с носилок – нет, не с укором; ни боли, ни обиды в этом взгляде не было. Одна растерянность. Они отвезли ее к черту на кулички – аж в Лестер, поскольку Блум сказал, что только там ей смогут оказать надлежащую помощь. По-прежнему не поясняя, о какой именно помощи речь.

Я навещала ее каждый день и оставалась в больнице столько, сколько разрешалось, хотя от запаха антисептика у меня раскалывалась голова. Чтобы сэкономить, я каталась в Лестер автостопом. Поймать машину было не сказать чтобы просто, но у меня обычно получалось. По ходу дела я заметила одну странность. Не успевала я сесть на пассажирское сиденье и сказать, что еду в Королевский госпиталь, как водители тут же принимались изливать мне душу. Мне ничего не приходилось делать: ни спрашивать, ни говорить. Мужчины – а все водители за редким исключением были мужчинами – рассказывали о проблемах со здоровьем, о стрессах на работе и даже о неурядицах в семейной жизни. И довозили меня прямо-таки до госпиталя. Даже когда я предлагала выйти на светофоре или где-то еще, они упорно подвозили меня к самому входу. Бывало, захопну дверцу, обернусь, а водила все еще рассказывает.

Больных можно было посещать с трех до шести вечера. Иногда Мамочка встречала меня в полном рассудке, и мы болтали как ни в чем не бывало. Она мне говорила, что ей приготовить дома, и я тайком протаскивала лекарственные смеси в больницу. А иногда она меня не узнавала. Еще бывало: узнает меня, но не понимает, где находится. Как будто оторвалась от реальности и пребывает где-то не здесь.

– Осока, развяжи мне ноги, прошу тебя. Зачем они связали мне ноги?

– Мамочка, успокойся. У тебя не связаны ноги. Ну посмотри сама.

– Я плохо сплю. Та женщина на соседней койке без конца царапает стену. Так убивается по своему малютке, что уже все ногти стерла в кровь.

Я посмотрела на соседнюю кровать: она стояла пустая с тех пор, как Мамочка сюда попала.

– Осока, не оставляй меня здесь в полнолуние, когда госпожа светит в окно. Если бы ты слышала, как они воют! Всю ночь напролет. Если бы ты только слышала! Ну развяжи мне ноги, умоляю.

За этим часто следовали слезы. Она все повторяла, сколько всего мне нужно от нее узнать, сколько всего, о чем она молчала, мне нужно узнать. В такие моменты она просила меня прижаться ухом поплотнее к ее губам и начинала нашептывать. Все-все, что знала. Слушалось, так проходили три часа: она нашептывала, а я молчала. Мамочка прерывалась, только когда к нам подходила медсестра или кто-то еще из больничного персонала. А потом снова принималась шептать. Сидеть на стуле несколько часов подряд, согнувшись, было тяжело, но я терпела и слушала.

Когда после подобных бдений я выходила на улицу, уже смеркалось. Добраться автостопом до дому в такое время суток было еще сложнее, чем при свете дня. Я помню, как однажды вечером никто не останавливался, а дело шло к дождю. Я попыталась воздействовать на водителей с помощью мысли, но, как обычно, это не сработало. Возможно, меня вконец изматывали разговоры с Мамочкой и сил не оставалось ни на что другое, но, так или иначе, ничего не получалось. Тогда я задрала повыше юбку, подколола ее заколкой, и вышло нечто напоминающее мини-юбку, как у безумных современных девчонок. Представляю, как взбесилась бы Мамочка.

Чуть ли не следующая машина остановилась. И я подумала: выходит, мини-юбка, будь она неладна, тоже обладает силой. Когда я села в машину, водитель так ударил по газам, что меня впечатало в сиденье. Эдакий прыщавый пижонишка с коком на голове. Я знала, как помочь ему с прыщами, но он не дал мне шанса. Откашлявшись, пижонишка изрек:

– Как делищи?

– Делищи хорошо.

Он ухмыльнулся, но я смотрела строго на дорогу. Он снова прочистил горло:

– Куда путь держишь?

– В Кивелл.

– Я прямо через него проеду.

– Отлично. Здорово.

Он неустанно дергал переключатель передач на поворотах и подъемах. Мне показалось, он это делает нарочно, чтобы тереться пальцами о мои коленки. Он в третий раз прокашлялся.

– Откуда едешь?

– Из больницы. Молочница замучила.

И после этого он больше не терся о мои коленки. Безмолвно высадил меня в Кивелле и умчался восвояси.

Тем же вечером, надев пальто, я села на крылечко перед нашим домом и долго вглядывалась в ночное небо, выискивая спутники и попивая бузиновую настойку, пока не отрубилась. Мамочка не одобряла пьянства, но я, сказать по правде, начинала видеть в нем определенные преимущества. Во-первых, звезд становилось вдвое больше. Я слышала, что русские посылали в космос обезьян и собак, но не вернули их обратно, в отличие от Валентины. Оставили там умирать и дальше вертеться вокруг Земли до бесконечности. Интересно, будут ли они там разлагаться. Наверное, не будут, вряд ли. Мумифицированные собаки и обезьяны, вращающиеся по орбите. От этой мысли снова захотелось выпить.

Я и представить себе не могла, что жизнь моя так сильно изменится, когда Мамочка попадет в больницу. Мамочка почти двадцать лет стеною ограждала меня от мира и указывала в нем дорогу. Прокладывала мой жизненный маршрут, как тропку среди непаханых лугов. Я говорила, как Мамочка, одевалась, как Мамочка, я даже двигалась и держалась, как Мамочка.

Во многом именно из-за нее я умудрилась остаться в стороне от быстро меняющейся действительности. В отличие от большинства моих ровесниц, я не гналась за прихотливой модой шестидесятых, не бредила косматыми поп-звездами, не истязалась переменами в политике и не подстраивалась под новый ритм общественной жизни. Технический прогресс почти не проникал в наш мирок, рост общего благосостояния нас тоже не коснулся. Мы с Мамочкой, по сути, жили так же, как люди жили лет пятьдесят тому назад. А может быть, и больше.

Что говорить: мы были очень похожи, но между нами существовало одно принципиальное различие. Мне не хватало Мамочкиной веры, во мне ее было маловато. Она об этом знала. Знала и прощала. Но, размышляя я, потягивая бузинную настойку и выискивая в небе спутники, она же сама учила, что верований в мире столько, сколько звезд на небе. А звездам, я знала, нет числа.

8

Воскресным утром ко мне зашел Билл Майерс, без формы.
– Можно я ее навещу? Побалую виноградом? – спросил он.
– Не стоило даже спрашивать, – сказала я. – Ей только в радость. Она лежит в двенадцатой палате. А виноград предпочитает черный.
– Значит, в двенадцатой?
– Какое это имеет значение?
– Да никакого, – промолвил он и отвернулся. – Никакого. – А я подумала: зачем же он врёт?

Перед его уходом я спросила:
– Что будет с теми уродами, которые ее избили?
– Их здесь никто не знает, – печально улыбнулся Майерс. – Они, похоже, не местные.
– Конечно нет. Их кто-то надоумил, и даже понятно из-за чего. Найти их явно не составит труда.

Тон Майерса вдруг изменился. Послышались стальные нотки.

– Осока, не вороши ты это дело.
– Но разве честно, если они останутся безнаказанными?
– Как только тронешь, вскроются и другие вещи, а тебе оно, поверь, не нужно.

Он явно предупреждал меня об опасности, а я не знала, как реагировать.

Тут Билл смягчился:

– Понимаешь, есть вещи, которые можно делать в открытую, а есть такие, что только из-под полы.

– То есть ты с ними все-таки разберешься?
– Ну, мне пора. Я загляну к Мамочке, когда поеду в Лестер.

Я посмотрела из окна, как полицейский размашисто шагает по саду. У калитки он столкнулся с Джудит, придержал для нее дверцу. Они обменялись парой слов, Джудит даже над чем-то посмеялась.

Я пересказала Джудит беседу с Майерсом. Спросила, что она думает.

– Он прав, – ответила Джудит. – Оставь пока. Сейчас не время.

Затем на полуразвалившемся фургоне подъехал хиппи. Я уже знала, что его зовут Чез Девани. По треску ручника я сразу сообразила, что это он, – явился наполнять помятые молочные бидоны водой из нашей колонки, ведь Мамочка ему позволила. Он лихо выпрыгнул из кабины драндулета и тут же заприметил меня. На нем была все та же потертая кожаная куртка, только теперь на голое тело. Да кем он себя мнит, черт подери?

– Всё путем? – крикнул он. – Я про воду.
«Путем»? Хотела бы я, чтобы все было путем.
– Пожалуйста, – усмехнулась я.

Но не успел он приступить, как из дому высунулась любопытная Джудит. По-свойски взяв меня под руку, она спросила:

– Кто это?

Затем облизнула губы, и губы заблестели от розовой помады, которую она, готова поспорить, нанесла всего секундой раньше. Глаза ее тоже заблестели, но только из-за Чеза. А этот, хорош гусь, перестал качать и вальяжно облокотился о колонку. Я рассердилась. Хотела сказать им, что сейчас не время для подобной канители: ведь Мамочка в больнице. Не время строить глазки и надувать губки, не время расплываться в глупейших улыбочках, забывать о том, что ты качаешь воду, и уж точно не время шлаться в кожаной куртке на голое тело. Но вместо этого я почему-то произнесла:

– Чез, это Джудит. По-моему, она, как и ты, немножко хиппи.

Он осмотрел ее с ног до головы.

– Вы ведь учительница?

– Не обращайте внимания на ее болтовню. Она хиппи от снежного человека не отличит.

– Я видел вас в школе. Хочу туда малыша отдать.

– Во-о-от значит как, – бесперемонно протянула Джудит, поставив нас обоих в идиотское положение. – Так вы не против традиционного образования? И не планируете открыть на ферме хиппанскую школу?

– Если составить список вещей, против которых я ничего не имею, он выйдет очень длинным.

– Прямо список? Выходит, вы умеете читать и писать?

– Писать? Это да... С этим я справлюсь, – сухо парировал он. – Я магистр философии.

– Что ж, – заявила Джудит, сильнее сжав мне руку, – мы бы с удовольствием еще послушали про ваши ученые степени, но у нас масса дел. Я верно говорю, Осока?

И прежде чем я успела что-то возразить, она опытной рукой утащила меня в дом.

– Что ты творишь? – спросила я, когда мы остались одни.

– Да потому что нечего стоять таращиться, в таких случаях надо уходить.

– Что?! Кто таращился?

– Кто-кто? Ты! Прямо вся обмякла. Мы из-за этого выглядели как маленькие девочки.

– Мы? Как можем *мы* как-то выглядеть из-за того, что *я* что-то сделала? И ничего я не обмякла!

Она пропустила мой возглас мимо ушей, сама же встала у окна и наблюдала за ним из-за занавески.

– Он грязный.

– Они все грязнули. Мамочка так их и называет.

– Я не про то. Интересно, чем там они на ферме занимаются.

Я подошла к ней и встала рядом.

– По-моему, он слишком самовлюбленный. Тебе не кажется?

И ровно в эту секунду Чез поднял голову.

– Осока, ну ты даешь! Теперь он знает, что мы за ним наблюдали. Какая же ты все-таки!..

Когда Чез уехал, я продолжила уборку. Воспользовавшись отсутствием Мамочки, решила выгрести из дома весь хлам и встретить ее в идеальной чистоте. Мне очень хотелось, чтобы она увидела: я способна позаботиться о доме и о себе.

По мнению Джудит, уборка нашему дому уже не помогла бы: лучше сразу под снос. За огородом, у компостной ямы, мы развели костер и побросали в него всю старую одежду, тряпки, коврики и прочий мусор. Джудит зачем-то кинула в огонь змеиный корень.

Дым повалил столбом. У меня тут же заслезились глаза, а вот на Джудит он, похоже, не действовал. Она, как в трансе, смотрела на него не отрываясь. В ней было что-то неземное, отрешенное. Порой ее тревожные глаза подергивались дымкой: наверное, в эти минуты она смотрела вглубь себя. Так и стояла она в клубах белого дыма, позабыв обо всем на свете.

– Джудит, что ты там видишь?

– Дорогу. Трудности. Страх и чудесное избавление. Горящие панталоны, – произнесла она и бросила в костер очередную пару дырявого исподнего.

А тем же вечером я, как обычно, ловила на А47 попутку в Лестер, и ничего-то у меня не получалось. Задирать юбку не хотелось, поэтому я решила сосредоточиться. Увидев на горке синий «моррис-мини», я вскинула большой палец и мысленно велела водителю остановиться. Что он и сделал. Я села в машину. Водитель тут же заявил, что он торговец. Я даже не успела

поинтересоваться, чем он торгует, как он уже выкладывал, что у него, оказывается, дочь моего возраста, которая хочет эмигрировать в Австралию, а значит видаться они будут крайне редко. Я понимала, как ему тяжело, но промолчала. Просто дала ему выговориться. В какой-то момент он даже смахнул с лица слезинку. Время в пути пролетело незаметно. И хоть за всю дорогу я не произнесла ни слова, он страшно благодарил меня и уверял, что ему стало намного легче.

Когда я вошла в палату, сердце у меня упало. Мамочкина кровать была огорожена ширмами. Я оттолкнула ширму. На кровати рядом с Мамочкой лежал мужчина в костюме. Я просто остолбенела. Это был Уильям. Он скинул обувь и свернулся калачиком, примостив голову у Мамочки на груди. Как будто она его успокаивала. Не знаю, разрешают ли вообще такое в больнице.

Мамочка посмотрела на меня:

– Дай нам еще несколько минут.

Я вышла на улицу и села на травку рядом с приемным покоем скорой помощи. Два фельдшера и медсестра курили и ржали над каким-то анекдотом. Тут же прогуливалась парочка отчаянно перебинтованных персонажей с пробитой головой. Когда фельдшеры с медсестрой пошли обратно, я тоже решила, что можно возвращаться.

Уильям уже куда-то пропал. Мамочка сидела на кровати и выглядела лучше, чем обычно.

– Где Уильям? Что он здесь делал? – Хотя в действительности я хотела знать, кто он такой.

– Осока, мы очень, очень старые друзья. Такие старые, что даже не верится. Скажи мне лучше, как у тебя дела. Как ты справляешься с хозяйством в одиночку?

– Я? Я в полном порядке. Что они тут с тобою делают? Когда отпустят?

– Никто мне ничего не говорит. Тычут в меня то здесь, то там. Взяли уже и кровь, и мочу, и костную ткань. Залезли даже в задницу, докторишки хреновы. Я им сказала: вы вряд ли там найдете что-то новое. Но они молчат как рыбы.

Я, как могла, старалась развлечь ее рассказами. Нельзя сказать, что это было просто: ведь я все время ездила к ней, а больше в моей жизни особо ничего не происходило. Я рассказала, что заезжал грязнуля, что Джудит строила ему глазки.

– Профурсетка, – опять сказала Мамочка.

Я ей не стала говорить, что Джудит читала дым, хотя она, наверное, и так об этом знала. Когда я подошла к поездке с продавцом, явилась медсестра и убрала ширмы.

– Кто их сюда поставил? – спросила она, очень строго глядя на меня.

Я лишь похлопала глазами.

9

На следующий день я драила дом. Я терла, мыла и мела, как не в себе. Открыла настежь двери и окна, устроив показательный сквозняк, и приговаривала: «Вон, чертята, вон отсюда!» Короче, делала все те же глупости, которые обычно делала Мамочка. Примерно в середине дня раздался громкий стук в распахнутую входную дверь.

Перебежав из задней части дома в переднюю, я сразу же сообразила, что это кто-то из стоуксовских работников. У них всегда такой казенный вид: фуражка, длинный плащ. Но тут я пригляделась и с ужасом под всей этой одеждой узнала Артура Макканна. Он выглядел так, будто хотел провалиться под землю от стыда. Но вместо этого протянул мне письмо.

– Ты что, работаешь на Стоуксов?

– Осока, прочитай письмо. Боюсь, оно тебе не понравится.

Я разорвала конверт. Внутри был счет за неуплаченную аренду.

– Так много?!

– Вы не платили за аренду больше года.

– Откуда же я знала! Ведь этим занималась Мамочка.

– Это уж ваше дело, но там еще говорится, что у тебя всего четыре недели, чтобы погасить задолженность.

– Четыре недели! Где мы найдем такую кучу денег? Тут что-то не так.

– Прости, Осока. Я, как услышал, сразу же вызвался сам отнести письмо. Если не заплатить, они вас выставят на улицу.

– Четыре недели!

– Они и так считают, что проявляют небывалую щедрость.

– Щедрость? Как же! Дождались, сволочи, когда Мамочка слегла в больницу, и давай.

– Осока, чего тут говорить. Конечно, они гады, я бы так никогда не сделал, но такой уж расклад. Не знаю почему, но я подумал, что лучше я принесу письмо, чем кто-нибудь другой. Я все ж таки тебя знаю. Чуток.

Он надул щеки и потихонечку выпустил из них воздух: «пфф». После чего по-старомодному коснулся козырька фуражки и удалился по тропинке через сад. Когда он открывал и закрывал калитку, петля с негодованием взвизгнула, словно ее обидели.

Наверное, тогда я впервые в жизни осознала, насколько беспомощна без Мамочки. Я не была трусихой и умела трудиться, но Мамочка дубовой дверью с чугунными засовами хранила меня от окружающего мира. Я знала, что мы платим за аренду, но не знала сколько; я понятия не имела, легко ли Мамочке даются эти выплаты и с какой частотой их нужно осуществлять. И уж о чем я точно не догадывалась, так это о последствиях в случае неуплаты. Еще ребенком я однажды видела, как приставы выносят мебель из другого, тоже принадлежащего Стоуксам дома, но считала, что такая кара может постигнуть только людей ленивых, но уж никак не злополучных.

Сколько я себя помню, деньгами у нас всегда ведала Мамочка. Если мне что-то требовалось, я спрашивала у нее, и, если она могла, она мне покупала, а если нет, я больше не просила. Любую заработанную мелочь я тут же отдавала ей. Дело не в том, что я не знала цену деньгам – попробовал бы кто-нибудь меня надурить, – мне просто никогда не приходилось ими распоряжаться и даже задумываться на эту тему. Не приходилось. А теперь придется.

Я понимала, что нужно будет разузнать у Мамочки, как наши дела, но вряд ли можно было придумать более неподходящий момент для таких расспросов. Ее бы эта новость сразила наповал. Тогда я приняла решение уладить все сама. На полке стояла жестяная банка из-под чая, с изображением коронации. Достав ее, я высыпала на стол четыре десятишиллинговые

бумажки и несколько монет. Прикинула, что можно заработать, если набрать побольше стирки и шитья. Снова взглянула на цифру, указанную в письме, но, сколько ни гляди, а меньше она не становилась.

Потом я перерыла дом, выискивая ценности, которые можно было бы продать, если совсем приспичит. Конечно, пришлось бы спрашивать у Мамочки, но их было так мало, что не о чем говорить. Пара военных сувениров. Мамочкина золотая цепочка с кулоном и серебряная табакерка. Просто кот наплакал. Но даже за эти крохи что-то можно было выручить в ломбарде Маркет-Харборо.

На сердце стало чуточку светлее, когда в дверь постучалась маленькая миленькая мышка с пронзительными карими глазами и попросила испечь ей торт. Звали эту мышку Эмили Протероу, хотя в ближайшем будущем она планировала переименоваться в Эмили Кросс, и торт ей требовался свадебный.

Еще одним талантом Мамочки являлась выпечка, а в выпекании свадебных тортов ей просто не было равных. Естественно, все женщины в округе, хоть мало-мальски заслуживающие этого названия, могли состряпать торт. Но тут-то был не просто торт, а свадебный торт. Торт всей жизни. И когда заходила речь о торте свадебном, все говорили: главное – что ты в него положишь. А не у всех есть то, что в него кладется.

Вот и считалось, что торт Мамочки Каллен приносит молодоженам удачу на долгом извилистом пути семейной жизни. Что он поддерживает семью во времена лишений, подкармливает во времена невзгод. В те годы в округе можно было насчитать не меньше сотни женщин, хранивших в банках, подальше от мышей и долгоносиков, завернутый в бумагу кусок свадебного торта, который они должны были располовинить и вшить в погребальные одежды того из супругов, кто уйдет первым. Все потому, что раньше люди сочетались браком не только на всю жизнь, но и на всю смерть.

Теперь это в прошлом, теперь уже никто так не живет.

И все же к правилам, распространяющимся на свадебный торт Мамочки Каллен, по-прежнему относились трепетно. Один корж оставляли до крещения первенца. На свадьбе каждому гостю преподносили по куску. Невесте и жениху – кусок. Всякому, кто даже гостем не являлся, а, скажем, прислуживал за столом или помогал одевать невесту, – кусок. Священнику кусок, даже если он был зануда, как все они. И еще один кусок откладывали, чтобы разделить потом. На долгую дорогу в темноту. Потому что, как говорилось в Мамочкином своде правил, коль есть любовь, ее нужно длить до бесконечности.

Мамочка обожала свадебные торты. За труд ей, разумеется, платили, но она отдавала сторицей, вкладывая в свои шедевры всю душу. Вот почему, увидев на пороге Эмили, я капельку струхнула от перспективы соревнования с Мамочкой, но все-таки сказала, что Мамочка на днях вернется и мы, конечно, испечем для Эмили торт.

– Просто... Мамочка Каллен пекла торт для моей мамки на ее свадьбу, и вот же они прожили счастливо и относились друг к другу хорошо, даже в тяжелые времена, – объясняла Эмили, сидя у камина и ломая от стеснения руки. – Я так расстроилась, услышав, что Мамочка в больнице, думаю: ну вот, торта не будет... Я эгоистка! Я знаю! Теперь ты будешь думать, что я ужасная. А потом вспомнила про тебя и решила: наверняка уж Мамочка научила ее кой-чему, если не всему, что знала, и вот...

Она ужасно нервничала. Я положила ей руку на запястье, чтобы остановить словесный поток.

– Послушай, Эмили, я испеку тебе мой самый лучший торт, – пообещала я. Не уточнив, что он же будет первым.

Я видела довольно часто, как Мамочка готовит свадебные торты. И если б дело было только в рецептуре, креме, тесте и времени выпекания, я бы ни секунды не волновалась. Но Мамочка меня и близко к ним не подпускала. Вдруг торт не выйдет, ведь так же криво может

пойти и брак. Огромная ответственность! А вера? Что, если в тесто попадут мои сомнения? Вдруг доля скепсиса придаст тарту излишнюю воздушность или, напротив, плотность?

Эмили оторвала меня от размышлений:

– У меня уже и маленький есть.

– Да что ты! Какой срок?

– Небольшой. Я думала, может, ты дашь чего от тошноты.

– Имбирь, возьми имбирь и гравилат заваришь.

– Гравилат хорошая штука. Мамочка называет его «заячьей лапкой».

Я улыбнулась и встала:

– Да. – И бросила в пакетик щепотку молотого имбиря и столько же молотого гравилата.

– А ты нам свяжешь первые пинетки? Мои связала Мамочка, и мамка говорит, я уже в год пошла.

Мой бог, думала я, в ней веры больше, чем во мне.

– Свяжу, конечно.

Я протянула ей пакетики, но девушка их не взяла.

– Нет, – заявила она. – Мамочка говорит, что пакетик можно брать, только когда заплатишь. Она сама так говорит.

Я разозлилась. У Мамочки действительно имелся свод мудреных правил, как и за что платить: до, после, свернуть бумажку в трубочку, оставить так. Бредятина.

– Я делаю все немного по-другому, чем Мамочка, понятно?

Эмили в ужасе уставилась в пол. Я сжалась над бедняжкой и сказала:

– Не сильно по-другому, только чуточку. По-моему, так даже лучше. – И снова протянула ей пакеты.

На этот раз она их взяла.

– Конечно же, тебе виднее. Сколько я должна?

– Так, дай подумать. За торт – мне надо посчитать. Два коржа? В следующий раз скажу. Все остальное – как всегда. Оставь на камине сколько можешь.

Она повеселела. Потом показывает мне большой палец и говорит:

– У меня еще одна маленькая просьба. Так бы хотелось убрать ее до свадьбы.

Вот стервозина, подумала я. Ну сколько можно! И чуть было не сказала, что я не удаляю бородавки, но ведь она как пить дать возразила бы, что Мамочка этим занимается.

– Ты принесла фасолинку?

– А как же! – с гордостью воскликнула девушка и вытащила из кармана стручок обыкновенной фасоли.

Я внутренне задрожала, но виду не подала.

– Поднеси палец к свету.

Она согнула палец, а я коснулась бородавки указательным пальцем и, не отрывая его, сосчитала до трех; потом взяла стручок фасоли и подержала указательный палец теперь уже на нем, считая до трех; затем вынесла фасолинку на улицу, похоронила ее и приказала ей погибнуть вместе с бородавкой. Эмили тоже вышла и очень скоро, не без моих стараний, оказалась за калиткой. Я обещала ей, что вышью оберег – магический пакетик с травами, который защищает малыша в утробе. По-моему, она обрадовалась, во всяком случае снова нервно затараторила, хотя меня уже занимали совсем другие мысли. Я думала о тарте. Без посторонней помощи мне не обойтись. Вернувшись в дом, я первым делом посмотрела, что на каминной полке.

Эмили оставила двухшиллинговую монету. Вздыхнув, я кинула ее в банку из-под чая.

Мне понравилось, как у Джудит звенел дверной звонок: первая нотка замерла, а пауза перед следующей тянулась целую вечность. За дверью работал пылесос, поэтому я позвонила

еще раз. В конце концов Джудит открыла. При виде меня глаза у нее загорелись, и я обрадовалась. Входная дверь вела в гостиную, в которой работал телевизор.

Джудит взяла мое пальто. Она жила одна. Я поразилась, какая у нее чистота. Она угостила меня чаем с печеньем гарибальди. Оно так выглядит, как будто в него насовали дохлых мух, и мне всегда становится немножко дурно, когда рядом его кто-то ест.

– Мне надо закончить уборку, – сказала Джудит и, включив пылесос, принялась елозить по ковру, на котором, клянусь, не было ни одной соринки.

Но я не возражала. Я присела. Поскольку сами мы жили без телевизора, меня он буквально гипнотизировал. За шумом пылесоса я пыталась разобраться, что происходит. Показывали фильм про больницу. Больница выглядела так же безупречно, как жилище Джудит, в отличие от той, где лежала Мамочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.